

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Роман ГЛУШКОВ

ТУРНИР

Сезон Катастроф

Роман Глушков

Турнир

«ЭКСМО»

2014

Глушков Р. А.

Турнир / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2014 — (Сезон Катастроф)

Что делать, если мир сошел с ума и каждый встречный жаждет вас убить? Как ни странно – пытаться на этом подзаработать. Опальный полковник Грязнов со своими наемниками так и поступает. Ведь подобные ситуации для них – будничная рутина. Вот уже полгода полковник ведет охоту за пакалями там, куда его забрасывают загадочные «серые». И везде он и его отряд сражаются с противниками, которых не под силу одолеть обычному человеку. Однако на сей раз враг у наемников особый...Сезон катастроф продолжается!

© Глушков Р. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роман Глушков Турнир

© Глушков Р., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Говорят: в конце концов правда восторжествует; но это неправда.
А. П. Чехов

Глава 1

*Зона № 32, США, штат Орегон,
окрестности вулкана Маунт-Худ.
Ноябрь 2016 года.*

Америка – страна больших возможностей...

...И больших разочарований! Хотя, конечно, тот факт, что все мы до сих пор живы, не позволял нам разочароваться в Америке окончательно. Она приняла меня и мой отряд не слишком гостеприимно, вывалив нам на головы массу неприятных сюрпризов, но мы давно привыкли к подобным потрясениям и потому не удивились. Главное, что не угодили с ходу в эпицентр очередной заварушки. По крайней мере, в Орегоне, куда нас зашвырнула нелегкая, боевые действия вроде бы не велись.

Впрочем, местное спокойствие очень уж сильно смахивало на затишье перед бурей. Почему я так считал? Да потому что, черт побери, мы снова очутились в аномальной зоне! А в двух предыдущих, где мы побывали до этого – Дубайской и Скважинской, – нам пришлось вдоволь намучиться и навоеваться. Так что и здесь, в Орегонской аномалии, мы рискуем умереть от чего угодно, но только не от скуки.

– Как же в вашей Америке холодно! – зябко поежившись, пожаловалась в очередной раз Шира Крамер. – А ведь еще сутки назад здесь было лето! Пускай не жаркое, но зуб на зуб у меня вчера попадал. А сегодня вы только гляньте!..

– Не вчера, – перебил я нашу новую боевую подругу, присоединившуюся к нам в Скважинске. – Не знаю, что произошло этой ночью. Но теперь я точно уверен: она длилась для нас не двенадцать часов, а как минимум – три месяца. Вон, погляди – и трава успела высохнуть, и листья с деревьев облетели.

Я указал в окно «Доджа» на растущие вдоль дороги клены. Сосны, ели и пихты, которых в орегонских горах было значительно больше, выглядели как прежде. Хотя я не удивился бы, если бы в аномальной зоне они тоже сбросили свои иголки. Или вовсе перекрасили их в какой-нибудь причудливый цвет.

– Хрен с ними, с листьями! Я вот боюсь, что вскоре тут снег повалит, а у нас с собой как назло ни тулупов, ни валенок, ни даже теплых подштанников, – заметил сидящий за рулем Бледный, глянув на небо, затянутое низкими серыми тучами.

– Зато у нас есть три ценных пакаля, – ответил я. – Не знаю, как ты, майор, но когда я думаю о них, эта мысль согревает меня лучше шерстяных кальсон.

Обернувшись, я поглядел на трясущихся в кузове пикапа Крупье и Гробика. Пакали пакалями, а этим двоим теплое белье точно не помешало бы, пусть они и напялили на себя всю одежду, какая еще осталась у них в запасе.

– Э-хе-хе, – вздохнул Бледный. – Очень рад, босс, что вы полны оптимизма. Да только я бы на вашем месте не стал обольщаться по этому поводу. Когда мы в последний раз видели Кальтера, у него в руках тоже были два не самых дешевых пакаля. И где он сегодня?

– Где Безликий сегодня, там все мы окажемся рано или поздно, – отмахнулся я. И, не желая обсуждать мрачную тему, обратился к аль-Наджибу, пристроившемуся на заднем сиденье вместе с Широй: – Так что вы можете нам рассказать, Демир-паша, насчет скоростно-смертельного лета? Что именно сделали «серые»: ускорили ход времени или просто позволили нам выспаться на год вперед? Хотя, сказать по правде, лично я не чувствую, что этот долгий сон пошел мне на пользу.

– Для чего вообще может быть использовано ускорение времени? – пожал плечами шейх. Он успел поработать на «серых» и был уволен ими в Дубае за допущенную ошибку, после чего они приписали штрафника в качестве наказания к моему отряду. Отряду наемников под

командованием полковника Родиона Грязнова, более известного миру как Грязный Ирод. – Разве изменится хронология событий кинофильма, если вы быстро промотаете вперед видеозапись? Скорее всего, здесь имеет место второй вариант. Нас просто вывели из игры на определенный срок, а потом опять выпустили на арену.

– И зачем, по-вашему, с нами так поступили?

– Хороший вопрос, полковник... Если обычно игра «серых» начинается в момент образования аномальной зоны, смею предположить, что все пакали в Орегоне за три месяца давно собраны либо квестерами, либо вольными искателями. В связи с чем мне на ум приходит только одно объяснение: нам поручат разгрести последствия отгремевшего здесь турнира.

– Не скажу, что меня огорчает такая грязная работенка, – отозвался Бледный. – Хотя, конечно, все зависит от цены. Но если за уборку трупов «серые» тоже хорошо платят – что ж, тогда я снова в игре!

– Вы забыли одну мелочь, – добавила Шира. – Мы до сих пор не выяснили, что за чертовщина здесь творится. И раз связи до сих пор нет, значит, эта дрянь еще не прекратилась, ведь так?

– Наверняка, – подтвердил я, памятуя наш опыт участия в прошлых играх. – И дрянь эта, если следовать логике «серых», должна быть покруче той дряни, с которой мы воевали в Скважинске.

– ...И которая всех нас однажды все-таки прикончила, – напомнила Крамер о том, о чем я и так вспоминал с содроганием чуть ли не ежеминутно, поскольку это случилось совсем недавно. Или, вернее, не случилось – это был тот вариант нашего будущего, который аннулировали «серые». Что, однако, не помешало ему сохраниться у меня в памяти как свершившемуся жуткому факту.

– Твою мать!.. – внезапно выругался Бледный и ударил по тормозам.

– В чем дело, майор? – поинтересовался я, когда машина остановилась.

– Посмотрите вон туда, босс! – Одной рукой он указал налево, а другой поспешно вынул из кобуры пистолет. Глядя на майора, я проделал то же самое, хотя не наблюдал в указанной стороне никакой угрозы. Обычное фермерское поле, засаженное яблонями. Из приметных деталей – разве что привязанное к крестообразному столбу большое пугало, оставшееся здесь с лета. Правда, на полях, мимо которых мы уже проехали, нам такие еще не попадались, но там их могли просто-напросто вовремя убрать.

– С каких это пор ты стал бояться соломенных чучел? – с усмешкой поинтересовался я, однако пистолет назад не спрятал.

– Где вы видите чучело, босс?! – удивился в свою очередь Бледный. – Да это же прибитый к кресту жмурик, только сгнивший!

– Неужели? – Я присмотрелся получше. Ну да, если включить воображение, можно и впрямь принять фермерское пугало за распятый на кресте истлевший труп. Как, впрочем, и наоборот – принять настоящий распятый труп за обычное пугало.

Бледный был моложе и глазастее меня, так что я не стал с ним спорить. Но если он прав, надо бы пойти и проверить, что за дикие судилища устраиваются в этих краях. Если казненного не похоронили, а выставили напоказ, значит, это было сделано в назидание тем, кто мог пойти по его стопам, что бы он там ни натворил.

– Съезжай на обочину, – велел я Бледному, – и айда глянем на твоего Мудрого Страшилу.

Бледный свернул с проселка и остановил «Додж» у кромки поля, возле крайнего ряда яблонь. Отсюда до цели было совсем недалеко – шагов тридцать. Если это действительно мертвец, те, кто его убил, поступили практично: не стали тратить силы на сооружение распятия, а прибили свою жертву к уже торчащему в поле столбу. В противном случае они вкопали бы его не в поле, а на дорожной обочине.

Оставлять возле машины сторожа не требовалось – наш красный пикап был хорошо виден сквозь сбросившие листву кроны яблонь. Гробик и Крупье вылезли из кузова и также к нам присоединились – разумеется, держа оружие наготове, как все мы. Царившие окрест безлюдье и тишина нас не успокаивали. Мы находились в аномальной зоне, где опасности могут подкрасться к нам незаметно без единого звука. И нам повезет, если это будут те опасности, которые удастся остановить пулями. В Дубае и Скважинске нам удавалось это не всегда, и не все члены моего отряда вышли живыми из тех испытаний.

Пришлось признать, что Бледный оказался зорче своего командира. На столбе, верхняя перекладина которого возвышалась над яблоневыми верхушками, был распят человек, а не пугало. И его приколотили к «кресту» гораздо основательнее, чем это делали древнеримские палачи со своими жертвами – видимо, для пущей гарантии, чтобы труп провисел и не сорвался как можно дольше.

Помимо обязательных железных костылей, что удерживали его конечности, два также были вбиты промеж ребер и один – в тазовую кость. Шею покойника притягивала к столбу петля из толстой проволоки, а в рот ему было что-то набито. Возможно, этот человек был еще жив, когда ему наносили увечья. Но после того, как ему вогнали в сердце деревянный кол – тот был оставлен у него в груди, – он, скорее всего, умер мгновенно.

Я сказал «скорее всего», потому что в аномальной зоне нельзя быть в этом уверенным наверняка. И те, кто пронзил сердце мертвеца колом – что-то подсказывало мне: он был выстроган из осины, – тоже поступили так явно неспроста. Даже если это сделали обычные психи, уверовавшие во всякую чертовщину, здесь подобная мера предосторожности выглядела вполне разумной.

Подойдя к столбу, я удостоверился, что моя догадка насчет психов подтвердилась. К ногам казненного была прикручена табличка, лаконично и емко объясняющая то, что здесь произошло: «Вампиры и оборотни! Прочь от Паркдейла! У нас много осиновых кольев, серебряных пуль и святой воды! На всех вас хватит!»

Паркдейл являл собой провинциальный городишко, лежащий, согласно карте, прямо у нас по курсу. Вчера... или, вернее, в тот день, когда нас зашвырнуло в Орегон, мы не рисковали соваться в окрестные населенные пункты и объезжали их стороной. Но сегодня, когда мы внезапно угодили из лета в позднюю осень, нам срочно потребовалась теплая одежда, так что визита в здешние магазины было не избежать. По крайней мере, грабить мирное население я не намеревался. Пока нас не разоблачили, мы могли выдавать себя за американцев – обычных заезжих охотников, случайно очутившихся на территории Орегонской аномалии.

«Вампир» (насколько я помнил мифологию, оборотней убивали иными способами), судя по степени разложения его тела, скончался месяца полтора назад. Но табличка под ним была обновлена свежей краской совсем недавно. О чем это говорит? Правильно: местные жители считают, что угроза вторжения в их городок нечисти не миновала. Что ж, самое время проверить, является это правдой или ими просто овладело массовое помешательство. Вполне естественное для набожных и суеверных обитателей глубинки – опять же согласно карте, в одном лишь маленьком Паркдейле и его окрестностях насчитывалось не менее пяти разных церквей.

– Кто-нибудь из вас разбирается в вампирах? Как можно определить, заслуженно ли пострадал этот человек? – осведомился я у товарищей, продолжавших таращиться на висящий над нами полуистлевший труп.

– Я читала на досуге несколько книжек, – призналась Шира. – Ни в одной из них не говорилось, что вампирская плоть гниет, как плоть обычных людей. На солнце или в брызгах святой воды она сразу сгорает, но тлению не подвержена, это точно.

– Дельное замечание, – ответил я. – Как бы нам еще осмотреть этого жмурика на предмет наличия клыков...

– Намек понял, босс! – с готовностью откликнулся Бледный. – Сейчас слажу, узнаю!.. Эй, Гробик, а ну подсади-ка меня!

С помощью дюжего товарища майор вскарабкался на столб и, обхватив его ногами, пополз вверх, бормоча под нос ругательства. Оно и понятно – если на народных масленичных гуляниях взобравшемуся на верхушку столба счастливчику полагается приз, то Бледного там ожидал лишь разложившийся труп. Который ему придется еще и внимательно осматривать.

– Оба верхних клыка выдраны, а нижняя челюсть просто раздроблена, – доложил он, когда достиг цели и раздвинул острием ножа «вампиру» губы. Глаза у того тоже отсутствовали, но их явно выклевали птицы, а не выкололи палачи. – Вообще не наблюдаю в анатомии «пациента» демонических отклонений... Ну и воняет же от тебя, парень!.. Разве только... Ага, а вот это уже интересно!.. Пропади я пропадом!

– Что там еще? – Я вытянул шею, пытаюсь определить, что именно разглядел на трупе верхолаз.

– Татуировка на плече, босс! – пояснил Бледный. – Кожа сильно сгнила, но рисунок разобрать еще можно!

– Что, какая-то особая вампирская наколка? – полюбопытствовал Крупье. – Типа «Смерть Ван Хельсингу от ножа!» или портрет Дракулы в анфас?

– Очень смешно, умник! – огрызнулся майор. – Нет, обычная наколка. То есть, конечно, не совсем обычная, если учесть, где мы с вами находимся... Парашют и два разлетающихся самолета! Внизу еще что-то написано – кажется, номер воинской части, – но уже не разобрать.

– Пелядь и простибома! – вырвалось у Крупье. – Русский десантник-вампир в горах Орегона! Сам Брэм Стокер до такого не додумался бы!

– Ты точно уверен, что у жмурика на плече вытатуирована эмблема ВДВ? – переспросил я.

– Абсолютно, полковник, – подтвердил Бледный. – К тому же у мертвеца пломба на коренном зубе определенно «маде ин рашн медсанбат». Американский вояка за такую дерьмовую пломбу своего стоматолога сразу в суд потащил бы и лицензии лишил.

– Это точно, – кивнул я. – Ну что ж, теперь понятно, каких таких «вампиров» боятся граждане Паркдейла...

Телепортируясь из России в Америку, нам удалось прихватить с собой нежелательных попутчиков: взвод десантников вместе с автомобилями и бронетехникой. Их бросили на перехват Грязного Ирода, и они окружили наш отряд прежде, чем я, активировав пакали, отправил нас в тогда еще неизвестном направлении. Задействовав два зеркальных и один черный артефакты, я буквально выдрал фрагмент Скважинска – гигантский пласт земной коры, на котором находились я и наши противники, – и мгновенно перенес его на другой конец света, в орегонские горы.

Наши враги тоже при этом вроде бы остались живы. Но мы не стали проверять, как сложатся отношения с ними на чужбине. Воспользовавшись разразившимся хаосом, мы рванули от десантников куда глаза глядят и больше с ними не встречались. Вплоть до сего момента, когда нами был обнаружен труп с татуировкой ВДВ. Она и позволила заключить, что перед нами – наш скважинский собрат по несчастью. Иных указывающих на это признаков не было. Мертвец был обряжен в гражданские лохмотья, а армейский жетон при нем не сохранился.

Но при чем тут вообще оборотни и вампиры, а также осиновые колья, серебряные пули и святая вода? Даже для аномальной зоны, где любое зло могло получить материальное воплощение, подобная чертовщина пахла низким голливудским фарсом. Вот только выглядела отнюдь не безобидно, беря во внимание, какая участь постигла этого десантника.

– В твоих книжках писали о том, что будет, если вытащить из сердца убитого вампира осиновый кол? – спросил я у Ширы.

– Не помню. Но если мертвого вампира заколачивали в гроб вместе с колом, значит, вынимать его явно не рекомендовалось, – рассудила Крамер. – А почему вы об этом спрашиваете?

– Вынь из него кол, Бледный! – распорядился я. – А вы все держите жмурика на мушке. Если он вдруг воскреснет, думаю, у нас хватит огневой мощи уничтожить его и без серебряных пуль.

Ничего сверхъестественного не случилось. Майор извлек из ребер покойника заостренную деревяшку, но тот продолжал висеть, не подавая признаков жизни. Разве только он не хотел оживать, потому что сейчас был день, а вампиры делают это лишь по ночам... Впрочем, ждать до ночи мы не собирались. Вставив на всякий случай кол обратно – а вдруг горожане Паркдейла все-таки не сошли с ума и были правы? – мы вернулись к пикапу и покатали дальше, в сторону негостеприимного городка. Меня и остальных утешала мысль, что уж нас-то нельзя перепутать с нечистью, ведь мы способны доказать свою нормальность любым способом, известным здешним инквизиторам... Если, конечно, они дают своим жертвам шанс оправдаться, а не линчуют их сразу, без суда и следствия...

Паркдейл являлся тем населенным пунктом... или, скорее, пунктиком, который в России вряд ли получил бы статус города. Он лежал в живописной долине у подножия вулкана Маунт-Худ, что извергался в последний раз полтора века назад. Собственно говоря, вулкан, чья снеговая шапка показалась нам на глаза задолго до того, как мы въехали в Паркдейл, и был единственной его достопримечательностью. Больше смотреть здесь было не на что. Кроме разве что других гор, но все они на фоне Маунт-Худа выглядели уже не так впечатляюще.

Мы приближались к городку с севера, а вулкан находился в дюжине километров южнее него. Мы пока не знали, угодил ли этот исполин на территорию аномалии – вполне возможно, что и нет. Но, памятуя о коварстве «серых», я почти не сомневался, что они не отказали себе в удовольствии припрятать хотя бы один пакаль на крутых вулканических склонах.

Правда, если прогнозы шейха верны, нам не придется лазать по горам в поисках артефактов. За три месяца охотники за пакалями исползали эту зону вдоль и поперек, просканировав ее с помощью специального поискового оборудования. В связи с чем возникал вопрос, что здесь сегодня делаем мы? Быть может, нам стоит попытаться телепортироваться куда-нибудь еще? Идея выглядела любопытно, но я пока воздерживался от экспериментов. После битвы с плазмодемоном в Скважинске все мы нуждались в передышке. И спокойный, пусть и холодный Орегон для этого вполне подходил.

Впрочем, мое мнение на сей счет быстро сменилось на противоположное. Чем ближе мы подъезжали к Паркдейлу, тем чаще нам стали встречаться аналогичные распятия. И не только в придорожных садах, но и на обочине дороги. Два из них мы также не поленились осмотреть. К одному было прибито сильно истлевшее тело женщины, к другому – мужчины. Труп последнего выглядел свежее и был вдобавок обезглавлен.

Лезть на столб и проверять, служил ли этот человек при жизни в российских ВДВ, не потребовалось. И так было ясно, что не служил, поскольку он имел солидный лишний вес и явные проблемы со здоровьем. Что не смутило казнивших толстяка горожан, также обвинивших его в принадлежности к вампирам. Предупредительные таблички для нечисти имелись и на этих двух, и на остальных замеченных нами трупах. Насколько эффективной была эта мера, мы могли лишь предполагать. Но защитники Паркдейла почему-то верили, что вампиры и оборотни не лишены благоразумия и, возможно, обойдут это место стороной.

– Не знаю, как вам, парни, но мне что-то расхотелось посещать сей пасторальный городок, – сказала Шира после того, как мы осмотрели обезглавленный труп толстяка. – Похоже на то, что там лютует секта агрессивных монстрофобов. Искренне надеюсь, что это не так, однако нужно ли нам это проверять?

– Нужно, но только осторожно, – заверил я ее. – Самое время нам разведать обстановку. Постоянно скрываться от местных жителей у нас вряд ли получится, а что творится в крупных городах – Портленде или Сейлеме, – мы понятия не имеем. Возможно, там дела обстоят еще хуже, чем в Паркдейле. А городки на отшибе вроде него могут в меньшей степени оказаться затронутыми массовым помешательством. В любом случае разумнее попытаться наладить первый контакт с аборигенами из глубинки. Сомневаюсь, что кто-то из них пригласит нас к себе на стаканчик виски. Но на несколько вопросов, полагаю, ответить они не откажутся, ведь мы не обугливаемся при дневном свете, а также можем без проблем пить святую воду и есть чеснок.

Убрав с глаз долой гранатомет и пулемет, мы вооружились обычными штурмовыми винтовками, которые в штате Орегон, насколько я помнил, продавались вполне легально. Также было бы желательно не соваться в Паркдейл всем сразу, а отправить сначала туда разведчика. Но от этой практичной, на первый взгляд, тактики я отказался.

Было ясно, что горожане пребывают настороже. Не исключено, что их дозорные уже засекли движущийся к Паркдейлу с севера красный «Додж»-пикап. Сегодня наша предосторожность могла оказать нам медвежью услугу и вызвать по отношению к нам ненужные подозрения. В то время как открытое поведение гостей сразу даст понять, что у нас нет на уме ничего предосудительного. Будем всячески показывать, что мы – обычные охотники, заехавшие в Паркдейл прикупить то да се. Ну а если мы держим оружие наготове – не обессудьте, граждане! Мы не слепые и видели ваши красноречивые предупреждения, пусть они и были адресованы не нам...

Последнюю остановку сделали у самой окраины, когда услышали разорвавший тишину вой тревожной сирены. Он разносился над городом, и можно было не сомневаться, что причиной беспокойства стало наше появление на горизонте. Не сказать, чтобы мы удивились – это было нормальное поведение для людей, верящих в нашествие нечисти. Я лишь боялся, как бы они не открыли по нам огонь без предупреждения, ведь нам придется ответить им той же монетой, чего мне не хотелось. Равно как не хотелось мне идти на попятную, пока у нас оставался шанс избежать дурацкой и никому не нужной войны.

– Крупье! Гробик! – высунувшись из кабины, окликнул я находящихся в кузове товарищей. – А ну гляньте, у нас еще остались белые простыни?

– Так точно, полковник, – доложил Крупье, покопавшись в вещмешках. – Есть пара штук. Хотя после того, как Бледный сдуру постирал их в скважинской Чучуйке, от их белизны осталось одно название.

– Почаще протирай свои очки, аристократ недоделанный! – возмутился Бледный. – Да у Демира-паши во дворце прачки так белье не отстирывали, как я наше холил и лелеял!

– Ладно, сойдут и такие, – отмахнулся я. Простыни и впрямь давно утратили белизну, но для моей цели вполне годились. – Теперь достань одну и прикрепи ее к стойке от тента. А стойку примотай скотчем к борту кузова. И поглядывай, чтобы простыня не оторвалась от нее при движении.

– Белый флаг, – понимающе кивнул мне шейх. – Весьма благоразумное решение, мой друг. Хочется надеяться, что в этих краях общепринятые традиции еще в ходу. И что, размахивая флагом парламентаря, мы, да благоволит нам Всевышний, добьемся гораздо большего, нежели бряцая оружием.

Водрузив на «Додж» импровизированный символ наших миролюбивых намерений, мы въехали в Паркдейл на малой скорости и покатали в направлении его центра. Не забывая, само собой, чутко поглядывать по сторонам. Сирена к этому моменту умолкла, проыв в общей сложности около пяти минут. За это время горожане могли собрать ополчение в любой части городка. Или же, если мы казались им серьезной угрозой, покинуть Паркдейл и скрыться от нас в пригородных рощах. Так или иначе, но улица, по которой мы ехали, была абсолютно

пустынной. И даже оконные занавески и жалюзи нигде не колыхались, выдавая хозяев, что могли бы украдкой наблюдать за нами.

– Ох, зря мы сюда сунулись, босс, – посетовал Бледный. – Не любят в этом захолустье незваных гостей. Сколько уже прозрачных намеков нам было сделано, а мы все равно не угомонились... Может, еще не поздно развернуться да рвануть отсюда во весь опор, пока не началось?

– Не говори ерунды, – ответил я, хотя на самом деле предложение майора было не лишено смысла. – Сейчас найдем тех, кого можно расспросить о здешнем житье-бытье, потолкуем с ними по-дружески, и все поймут, что мы – не враги... Видишь вывеску в конце улицы? Ту, на которой гора и пещера нарисованы? У того здания и остановись. Наверняка это нужный нам магазин. Давай покажем аборигенам, что мы приехали сюда не сосать кровь, а заниматься покупками.

По причине малого контингента покупателей промтоварный магазин в Паркдейле оказался универсальным. В нем имелось все, что могло понадобиться и горожанам для их повседневных нужд, и заезжим туристам с охотниками. Имелся также оружейный отдел, но сейчас он был перекрыт стальной ширмой и заперт на замок. Я решил, что и сам магазин, носящий название «Пещера Короля Маунт-Худа», будет закрыт, ведь его хозяин вряд ли остался за прилавком после общегородского сигнала тревоги. Однако двери «Пещеры» оказались не заперты, и мы с Бледным преспокойно туда вошли. Прочие наши товарищи остались снаружи у машины – затем, чтобы наш визит сюда не выглядел со стороны грабительским налетом.

– Добрый день! – громко поздоровался я, оглядев пустой торговый зал. – Как дела? Все ли у вас в порядке? Мы слышали тревожную сирену и подумали, что вам не помешает наша помощь!.. Сэр?! Мэм?! Здесь есть кто-нибудь?!

Никто не отозвался. Похоже, хозяин и его работники так торопились, что успели запереть лишь кассу да отдел с оружием, после чего сломя голову умчались на место общего сбора. Вот и хорошо! Нет лучшего способа доказать, что мы – славные ребята, чем дожидаться хозяев на крыльце брошенного ими открытым магазина, устояв перед искушением ограбить его.

Покричав еще немного и окончательно убедившись, что здесь никого нет, мы вышли на улицу. Но едва вернулись к обсуждению той ерунды, что здесь творилась, как скрывавшиеся от нас доселе горожане наконец-то дали о себе знать.

Их делегация шагала к нам по улице и напоминала скорее маленькую демонстрацию, чем обычный комитет по встрече. Сходство с демонстрацией также придавали большой деревянный крест, который несли во главе своей процессии, и пожарный автомобиль, что двигался на малой скорости в окружении толпы. Наличие последнего вызывало некоторое недоумение. Чего нельзя сказать о кресте – неизменном атрибуте всех борцов с вампирами и прочей нечистью. Чем-чем, а таким экстравагантным оружием с нами прежде еще никто не воевал.

– Не слышу звуков оркестра, – заметил Крупье, взирая на приближающуюся толпу. – Или хотя бы церковных песнопений... Хотя согласитесь: животворящий крест против Грязного Ирода – интересный тактический ход.

– Чего нам стоит бояться в последнюю очередь, так это их креста, – хмыкнул Бледный. – А у кого-нибудь из вас есть мысли, зачем им понадобилась пожарная машина?

– Американцы – рабы законов и инструкций. Даже сжигая заживо вампиров, они не забывают о технике противопожарной безопасности, – выдвинула версию Шира.

– Ну это мы еще посмотрим, кто кого тут сожжет! – буркнул Гробик, покосившись на лежащую в кузове «Милку» – автоматический шестизарядный гранатомет «Milkor», с которым он не расставался еще с Дубая. Дай я отмашку, капитан без раздумий разрядил бы свое любимое оружие в надвигающуюся толпу. Но меня все еще не покидала надежда, что до этого не дойдет. В конце концов, не линчуют же аборигены всех, кому вздумается пересечь черту их

города? Будь оно так, их давно усмирила бы армия или национальная гвардия, ведь здесь не Судан или Афганистан. Здесь такой вопиющий беспредел не может остаться безнаказанным.

Или все-таки может?

Когда делегация подошла еще ближе, выяснилось, что почти каждый из горожан вооружен. И не какими-нибудь вилами, косами и дрекольем, а охотничьими винтовками, ружьями и пистолетами. Помимо этого у многих имелись при себе канистры с бензином. Деревянный крест нес дюжий пастор, одетый в потертый костюм и также бывший при оружии – винтовка висела у него за спиной.

– Держу пари, что насчет серебряных пуль они тоже не шутили, – озадаченно поцокав языком, резюмировал Бледный.

Никто и не подумал вступать с ним в спор. К этому моменту мы уже отвязали от пикапа белый флаг и вручили его Шире, которая стала неторопливо им размахивать. Автоматы мы расставили в ряд у машины, чтобы не нервировать толпу и одновременно держать их под рукой. Я с тревогой смотрел, как это сборище аборигенов приближалось, и пытался определить, кто ими управляет: священник или кто-то еще. До нас долетали громкие возгласы. Но пока это был обычный шум, неизбежно возникающий при большом скоплении народа, а не призывы пустить нам кровь или подвергнуть иным экзекуциям.

Хозяева остановились в полусотне шагов от «Пещеры Короля Маунт-Худа», и я испытал некоторое облегчение. Очень не хотелось, чтобы эта прорва неадекватных людей приближалась к нам вплотную. Священник и его паства, похоже, испытывали аналогичное нежелание. Несмотря на количественное и огневое превосходство, они явно нас побаивались.

– Добрый день, уважаемые граждане этого славного города! – Я решил обратиться к хозяевам первым, пока они нас с ходу в чем-нибудь не обвинили. – Мы – из Юджина, наслышаны о ваших краях и хотели бы тут немного поохотиться! Рад, что в Паркдейле по-прежнему царит закон! Клятвенно обещаем, что не будем его нарушать. Напротив, если мы можем вам чем-то помочь...

– Именем Господа приказываю тебе затворить уста, мерзкий слуга дьявола! – перебил меня пастор. Его громогласный, прекрасно поставленный голос легко заглушил мою приветственную речь. – Изыди обратно в ад вместе со своей свитой! Или познаешь на себе всю мощь нашего праведного гнева! Бойся сего креста, ибо он – орудие наше, карающее вас, порождения ада, во славу Отца, Сына и Святого Духа! Аминь!

Да, и вправду тяжелый случай...

Ну да ладно, по долгу нашей бывшей службы мы частенько общались с ближневосточными мусульманскими фанатиками. Так что должны найти общий язык и с этой публикой, ведь она к тому же более цивилизованная.

– Понимаем ваши опасения, святой отец, но, боюсь, вы заблуждаетесь! – возразил я, пропуская оскорбления мимо ушей. – Никакие мы не слуги дьявола, не вампиры и не оборотни, а такие же добропорядочные христиане, как вы. И это очень легко проверить! Если вы позволите, я прямо сейчас, не сходя с места, поцелую этот крест и выпью стакан святой воды.

На лице пастора появилось задумчивое выражение. Стало понятно, что верховодит здесь он, а не кто-то другой. Кажется, мои слова достучались до того полушария его головного мозга, что отвечало за логическое мышление... Увы – в следующий миг осенившее священника озарение стигнуло бесследно, и его глаза вновь налились злобой.

– Святая вода! О да, она у нас есть! – провозгласил он и обернулся к пастве. – Вы слышали это, братья и сестры? Богомерзкое отродье требует, чтобы мы угостили его святой водой!

Паства восторженно загалдела и начала потрясать оружием – моя идея явно пришлась ей по душе. Так же, как и пастору, которого одобрительные крики толпы еще больше воодушевили. И который, опершись на крест, даже взялся в экстазе размахивать рукой, словно хормейстер перед хором. Мне тоже стоило бы порадоваться такой благоприятной реакции на мое

дипломатическое предложение. Вот только никакой радости я сейчас не испытывал. Напротив – начал понемногу жалеть, что вообще заикнулся об этом.

– Видит бог, мы исполним просьбу посланца преисподней! – продолжил слуга божий. – Но дадим ему не стакан, как он требует, ибо что такое три глотка святой воды для прислужника самого дьявола? Легкая пощечина, не более! Нет, мы напоим его так щедро, что отныне он и его приспешники навсегда перестанут испытывать жажду!.. Брат Илай, брат Эдгар, брат Уильям! Прошу вас, воздайте этим нечестивцам по заслугам!

Братья, к которым обращался пастор, были именно теми пожарниками, которые пригнали сюда свою технику. Кто они такие, я понял, когда на нас обрушились три водяных струи: две – из брандспойтов и одна, самая мощная, – из водомета, установленного на крыше машины. Так вот для чего она здесь присутствовала, а вовсе не для тушения огня! Мне следовало догадаться об этом раньше, но я оплошал и, не успев увернуться, был тут же сбит водометной струей с ног. И мгновенно вымок до нитки, поскольку борцы с нечистью продолжили обливать меня после того, как я очутился на земле.

Вода была святая, но мы на это испытание не подписывались. Никто – ни ярый грешник, ни завзятый праведник – не переживет такое принудительное купание. И гарантированно захлебнется, продлись оно хотя бы пару минут. Под напором помповых струй я не мог ни подняться с земли, ни даже толком вдохнуть. А они нещадно стегали меня, причиняя боль и заставляя ощущать себя совершенно беспомощным и униженным.

Сам бы я из этой передраги точно не выбрался. Но, к счастью, сосредоточив обстрел на мне, «святители» оставили без внимания моих людей. Которые не собирались стоять и смотреть, как их босса топят почем зря прямо посреди улицы. Пока остальные хватали оружие, Гробик вцепился мне в шиворот и, тоже терпя удары водяных струй, поволок меня за «Додж». Туда же отступили Бледный, Крупье, Шира и аль-Наджиб. Все они тоже успели промокнуть. Врезаясь в землю и машину, струи разлетались во все стороны фонтанами брызг, а аккуратно под нами стремительно разливалась грязная лужа.

Шум и плеск не могли заглушить радостные вопли, которыми разразилась толпа, увидев, как мы заматались под пролившимся на нас свирепым душем. Кто бы сомневался, что эти чокнутые припишут наше смятение именно святости воды, а не ее убийственному напору и холоду! Впрочем, пусть думают, что хотят. Мы выяснили все, что смогли, и не намеревались больше здесь задерживаться.

На какое-то время пикап заслонил нашу компанию от водяной атаки, но долго нам за ним не отсидеться. Особенно, когда заговорят вражеские ружья и пистолеты. Поэтому я, отплевавшись и отдышавшись, тут же велел отряду переходить от плана А к плану Б:

– Бледный! Вы с Широй и аль-Наджибом садитесь в пикап, подъезжайте к задней двери магазина и, если она заперта, выломайте ее! Гробик и Крупье – за мной!..

Раздав указания, я поднялся на ноги и, пригнувшись, снова устремился в «Пещеру Короля Маунт-Худа». Оба капитана рванули следом. Остальным предстояло увести «Додж» с улицы и ждать нас по ту сторону этого одноэтажного здания. Откуда мы намеревались выбраться уже с добычей – будет не грех прихватить даром то, что нам позарез необходимо, раз уж нам не оставили выбора.

Когда мы очутились внутри магазина, а запрыгнувшие в машину товарищи ударили по газам, из толпы раздалось несколько выстрелов. Все – пистолетные. Наверное, присутствующих в толпе хозяин магазина попросил сограждан не палить по нам из винтовок и ружей – побоялся, что его заведение окажется без стекол, да и товара на полках будет попорчено немало. Из пистолетов, кажется, тоже стреляли только по отъезжающей машине – ни одна из пуль не угодила в дверь или окна за нашими спинами.

Водяная атака прекратилась, после чего толпа, взревев, сорвалась с места и поспешила к нам. Пастору было трудно бежать с тяжелым крестом в руках. Поэтому он, продолжая вздымать

его над головой, шел быстрым шагом, позволяя бегущим братьям себя обогнать. Пожарная машина также покатила за остальными – видимо, «святители» надеялись, что им представится еще один шанс нас искупать.

Задерживаться в «Пещере» было нельзя ни на секунду. Поэтому, ворвавшись в отдел охотничьего и туристического снаряжения, мы просто похватали в охапку с вешалок теплую камуфлированную одежду и бросились к служебному выходу.

Он оказался заперт, но, когда мы подбежали к нему, по ту сторону двери уже стоял Бледный. Проехав по газонам и снеся пару низеньких заборчиков, он обогнул здание самым коротким маршрутом и пришел нам на подмогу как нельзя вовремя.

– Полундра, босс! – прокричал Бледный и, судя по характерному кляцанью, взвел помповое ружье. – Все назад! Я вышибаю замок!

– Чисто! – крикнул я в ответ после того, как мы расступились в стороны, чтобы нас не задело картечью. Бабахнул выстрел, и лишившаяся замка не особо прочная дверь распахнулась, выпуская нас из магазина.

Прежде чем покинуть его, я бросил мимолетный взгляд назад. Толпа растянулась во фронт: часть ее должна была вот-вот ворваться в «Пещеру», оставшиеся собирались обежать здание с обеих сторон. Теперь помимо пистолетных выстрелов слышались уже винтовочные, но пальба, судя по всему, пока велась в воздух. Однако так будет продолжаться недолго. Едва стрелки обегут магазин и мы окажемся у них на расстоянии прямого выстрела, они тут же изрешетят нас пулями. И то, что эти пули будут не простыми, а серебряными, не сделает нам чести, ведь в обезумевшем Паркдейле мы не могли рассчитывать даже на нормальные похороны, не говоря об остальном...

Глава 2

Побросав награбленное добро в кузов, мы запрыгнули в машину, и Бледный, рванув с места, повел ее таким курсом, чтобы магазин до последнего заслонял нас от стреляющей толпы. Я остался вместе с Крупье и Гробиком в кузове – отсюда было удобнее вести огонь, чем из кабины. Мы не собирались устраивать в Паркдейле геноцид и все еще надеялись удрать, не оставив за собой трупов, но надежда эта таяла на глазах. И когда, приближаясь к южному выезду из города, мы заметили мчащиеся нам наперерез два пикапа и грузовик, стало окончательно ясно – без крови сегодня, увы, не обойдется.

От священника и его паствы мы отделались быстро. Попетляв по городу, вскоре мы оставили их далеко позади, но они не собирались так просто с нами расставаться. Наверняка эти три битком набитых вооруженными людьми автомобиля были первыми, которые отправили за нами в погоню, и вскоре нам придется иметь дело еще с несколькими. Но от тех мы, возможно, сумеем оторваться. А вот встречи с этими уже не избежать. Даже если мы надумаем резко сменить курс и рванем в другую сторону, они настигнут нас прежде, чем мы успеем развернуться.

Преследователи открыли огонь еще до того, как их транспорт перегородил нам дорогу. Они уже не беспокоились, что их пули нанесут урон чьей-то собственности. Или того хуже – найдут себе жертву среди их сограждан. Все условности отныне были забыты. Мы и охотники за нечистью вступали в открытое противоборство и не имели никакого резона щадить друг друга.

Идти на врага в лобовую атаку было слишком рискованно, даже при наличии у нас гранатомета и пулемета. Гробик уже взвел «Milko», но и мы, и враги двигались слишком быстро, чтобы капитан мог толком прицелиться. Стрелять же из «Милки» очередями означало израсходовать впустую боеприпасы. Пополнить которые нам пока негде, а значит, каждый гранатометный выстрел надо расходовать с умом.

Впрочем, у нас еще оставалось пространство для маневра. По левую сторону от нас снова тянулись яблоневые рощи. Проложить через них путь напрямик мог бы тяжелый грузовик, но не пикап. Однако справа вдоль улицы выстроились небольшие коттеджи, которые можно было использовать в качестве заслона от пуль. Никакой дороги позади них не наблюдалось. Но промчаться по их задним дворам, сметая беседки, мангалы, детские качели и деревянные заборчики, «Додж» мог запросто.

Так мы и поступили. Свернув с улицы, наш пикап промчался по небольшому палисаднику одного из домов, затем обогнул его, раздавив колесами надувной бассейн, и скрылся с глаз противника. Увидев, что «нечисть» опять вздумала финтить, враг открыл по нам шквальный огонь, но запоздало. Нас и преследователей уже разделял протянувшийся на юг почти километровый ряд одноэтажных строений.

– Пелядь и простипома! – выругался Крупье. – Вы слышите, полковник? У инквизиторов тоже есть пулемет!

Действительно, в долетевшей до нас беспорядочной ружейной канонаде четко слышалось ритмичное бабаханье ручного пулемета. Где горожане его раздобыли, можно было догадаться, если вспомнить распятого на столбе русского десантника. Раз уж они сумели одолеть вооруженных до зубов военных, значит, сегодня в их арсенале могут быть «пушки» покрупнее пулеметов. Те же гранатометы, к примеру.

Проклятье! Ни в Дубае, ни в Скважинске мы с гражданским населением не воевали (если не считать тех скважинцев, кого плазмодемон обратил в агрессивных зомби). Хотя чего-то подобного от «серых» давно следовало ожидать. С каждым разом навязываемые ими турнирные правила становились все жестче, а преподносимые сюрпризы – один другого мерзопакостнее. «Серые» как будто проверяли, где лежит тот моральный предел, через который я и мои

люди, участвуя в их игре, однажды не сможем переступить. Ну что же, в таком случае они подыскивали себе правильных игроков. И я не удивлюсь, если вскоре нам придется делать то, на чем полковник Родион Грязнов заработал свою мрачную славу и прозвище Грязный Ирод. А именно – пытаться и казнить. В том числе стариков, женщин и детей...

Тем временем Бледный прокладывал путь по задворкам, ведя «Додж» вперед, и мы вот-вот должны были поравняться с перекрестком, где враги собирались нас перехватить. Они были уже там и вряд ли отказались от своих планов. Все, что им требовалось, это проехать чуть дальше: тоже вторгнуться на частную территорию, промчаться по чьему-нибудь двору и, выскочив перед нами, ударить по нам встречным огнем.

В просветы между домами было видно, как их маленькая автоколонна, не сбавляя скорости, миновала перекресток и, сойдя с дороги, продолжила двигаться нам наперерез. И вот здесь охотников на вампиров ожидал первый неприятный сюрприз. Едва из просвета перед нами вынырнула головная машина противника, как «Милка» Гробика тут же выплюнула в нее гранату.

Бледный нарочно замедлил скорость, чтобы наш гранатометчик мог получше прицелиться. И Гробик опять не подкачал. Граната угодила аккуратно в кабину вражеского пикапа и, взорвавшись, снесла ей крышу. Что стало с водителем и теми, кто сидел в салоне, думаю, и так понятно. Стрелкам в кузове тоже пришлось несладко. Взрывная волна, гранатные осколки и обломки кабины попросту смели их с машины. Не исключено, что кто-нибудь из них при этом выжил, хотя в любом случае воевать с нами тот счастливчик уже не мог. По крайней мере, в ближайшее время.

За миг до взрыва «Шевроле» как раз выезжал из просвета между домами. Движущиеся за ним бортовой грузовик «Форд» и второй пикап «Тойота» оказались зажаты в этом промежутке. И могли бы стать для нас превосходными мишенями, да не тут-то было. Сидевшие в них противники моментально смекнули, в какое незавидное положение вляпались. И открыли превентивный огонь из всех стволов еще до того, как мы подъехали к их ловушке.

Удачный момент был упущен. Из просвета вылетал такой свинцовый шквал, что Бледный, дабы не угодить в него, был вынужден ударить по тормозам и дать задний ход.

– Гони назад, на улицу! – прокричал я ему из кузова и указал на другой просвет – тот, напротив которого мы остановились. – Пока они там торчат, пообедем их с тыла!

Чем хороша в бою «старая гвардия», так это тем, что она понимает своего командира с полуслова. Стоило лишь мне намекнуть, каковы будут наши дальнейшие действия, и каждый член моего отряда уже знал, что потребуются конкретно от него. Командная спаянность и большой опыт совместной службы значат очень многое, если вообще не все. Конечно, аль-Наджиб и Шири тоже не раз выручали всех нас из беды. Но пока что в критических ситуациях наиболее рискованную работу я возлагал на своих бывших подчиненных. Которые и поныне продолжали мне подчиняться. Правда, теперь мы были всего лишь бандой наемников, а не верным присяге и родине оперативно-тактическим подразделением Ведомства.

Вырулив обратно на улицу, мы планировали «укусить» обезглавленную автоколонну противника за хвост, однако малость запоздали. Грузовик все еще находился между домами, но пикап уже выезжал оттуда задним ходом. Жаль – будь мы чуть расторопнее, он мог бы стать для застрывшего в просвете «Форда» второй затычкой. И тогда оставшиеся противники были бы истреблены нами за считанные секунды.

Впрочем, и такой расклад нас устроил. Едва вырвавшись на улицу, «Тойота» сама подставила нам свой бок, чем мы тут же воспользовались. «Милка» шарахнула вновь, ну а поскольку промахнуться с такой смешной дистанции Гробнику было бы несолидно, второй пикап постигла участь первого. С той лишь разницей, что эта граната угодила ему не в кабину, а в кузовной борт. Что для лишенного брони автомобиля не имело большого значения. Осколки достали

всех: и тех, кто был в кузове, и тех, кто сидел в кабине. К тому же они вдобавок пробили бензобак, который тут же воспламенился. А вслед за ним воспламенилась и машина.

– Грузовик! – крикнул я, чтобы меня расслышали и Бледный, и Гробик. Разумеется, они снова все поняли с полуслова. Мы не успели задержать «Тойоту», но «Форд» был еще в ловушке, и с ним такой фокус мог получиться. Обогнув горящий пикап, Бледный резко остановил «Додж» напротив просвета, Гробик вскинул «Milkor»...

...Но вот досада – грузовик не пожелал разделить судьбу пикапов! Вытолкнув бампером подбитый «Шевроле», он уже вырвался на задний двор и, завернув за угол, был теперь заслонен от нас коттеджем.

Через какой из множества выездов эта компания вернется на улицу, мы понятия не имели. А пускаться за ними вдогонку было рискованно, так как пугавший нас пулеметчик находился именно в кузове «Форда». И все же нет худа без добра. Пока он развернется и отыщет выход с задворок, мы можем оторваться от него.

– Жми на юг! – крикнул я Бледному. Но прежде, чем он исполнил приказ и повез нас в направлении Маунт-Худа, случилось еще одно происшествие. Досадное и тем не менее принесшее нам кое-какую пользу...

Едва «Додж» тронулся с места, как вдруг откуда ни возьмись у нас на пути нарисовался человек со вскинутой винтовкой. Его лицо заливала кровь, а сам он шатался из стороны в сторону. Это оказался один из тех горожан, что преследовали нас на пикапах и выжили. Вояка из него сейчас был никудышный. Но с такого расстояния даже слепой мог выстрелить и запросто угодить в кого-нибудь из нас.

– Пригнись! – скомандовал я, надеясь, что рука стрелка дрогнет и он пальнет в молоко. А времени на второй выстрел у него не останется, ведь после этого Бледный сшибет его бампером и переедет колесами. Сам я тоже считал нужным побережиться, поскольку не страдал комплексом неуязвимости. И, плюхнувшись на колени, спрятался за кабиной вместе с пригнувшимися Гробиком и Крупье.

Грянул выстрел. А через миг раздался второй громкий хлопок, после чего «Додж» резко занесло и развернуло поперек дороги. В заносе он ударил левым бортом не успевшего отскочить стрелка. Выронив винтовку, тот пролетел по воздуху несколько метров и распластался навзничь, крепко стукнувшись спиной и затылком об асфальт. Машина же, сойдя с курса, сразу остановилась – не ударь Бледный по тормозам, он не удержал бы ее на дороге, и мы очутились бы в кювете.

– Все живы? – осведомился я, хотя, кажется, уже знал, куда угодила пуля.

– Так точно, босс! – отозвался водитель, после чего подтвердил мои подозрения: – Но этот гад прострелил нам колесо!

– Ехать дальше сможем?

– Никак нет. Покрышка, похоже, в клочья – слышали, как бабахнула камера? Хорошо хоть запаска имеется... Если, конечно, ее тоже шальной пулей не продырявило.

– Ну ладно, – отмахнулся я, радуясь, что обошлось без жертв, и скомандовал: – Все из машины! Гробик, Крупье – следите за дорогой! Бледный, Шири – займитесь колесом. А мы с шейхом попробуем потолковать с инквизитором.

Я указал на валяющегося посреди дороги стрелка. После пережитых потрясений он, на удивление, все еще пребывал в сознании. И даже шевелил руками и ногами, пытаясь встать.

– Если не возражаете, полковник, я расчехлю «рейнджера», – предложил Крупье, намекая на имеющуюся у нас в арсенале, крупнокалиберную снайперскую винтовку «Рейнджмастер». Мы прихватили ее из Дубая наряду с прочим оружием, но в Скважинске в ней не возникла необходимость. И сейчас бы не возникла, кабы не проклятое колесо – для стрельбы из движущегося автомобиля эта штука не годилась. А вот с земли, да из устойчивого положения вести из нее огонь по приближающемуся транспорту было не в пример удобнее.

– Расчехляй, – кивнул я. – Бей по цели сразу, как только увидишь ее, не жди приказа... А вы, Демир-паша, идите со мной. Возможно, вы поймете этого типа лучше меня и определите, что за подлянку нам подбросили здесь «серые».

Отпихнув ногой старенький «реммингтон», чтобы пленник до него не дотянулся, я и аль-Наджиб встали рядом и нацелили на него автоматы. Это был полноватый белобрысый мужчина средних лет с короткой, но неаккуратно подстриженной бородой и грубыми руками фермера. Едва мы нависли над ним, как его заколотила дрожь, и он начал судорожно рвать у себя на груди рубаху.

Зачем он это делает, мы поняли, когда он, оторвав все пуговицы, добрался до большого нательного креста, носимого им на обычном шнурке. Схватив крест, он дернул его изо всех сил. Потом еще и еще, потому что шнурок не поддавался, а просто снять талисман с шеи едва живому от страха горожанину на ум не приходило. С пятой или шестой попытки его старания увенчались-таки успехом. Однако он на этом не успокоился, а, выставив крест перед собой, тут же взялся громко читать сбивающимся голосом «Отче наш».

Вся эта трагикомедия мне уже изрядно осточертела. Я хотел было вырвать крест у пленника и приступить к допросу с пристрастием, но аль-Наджиб меня остановил.

– Погодите, мой друг, – сказал он по-арабски, удержав меня за плечо. – Понимаю, что мы очень спешим, но, во имя Аллаха, давайте все же подойдем к этому вопросу с разумной стороны.

– Что вы имеете в виду? – также по-арабски спросил я, сдержав свой гневный порыв.

– Я предлагаю не разубеждать этого человека в том, что мы – слуги Иблиса. Напротив, нам надо подыграть ему.

– Ну что ж, попробуйте, раз так уверены, – пожал я плечами, пока не догадываясь, к чему он клонит.

– Хорошо. А вы в свою очередь подыгрывайте мне, если вас не затруднит, и да простит меня Аллах, – ответил шейх. И, снова перейдя на английский, обратился к пленнику: – Ты знаешь, кто мы такие, смертный?

– Отродье сатаны! – прохрипел тот. – Твари, которые пьют нашу кровь и пожирают наших младенцев!

– Но мы же никого не убили и не обескровили, – возразил Демир-паша. – И вообще вели себя мирно, разве не так?

– Убили бы, если бы мы вас не остановили и не прогнали прочь из города! – уверенно заявил пленник. – Да вы на себя посмотрите! С такими мерзкими рожами, когтями и клыками вы пытались говорить с нами о мире и дружбе! Мы что, по-вашему, идиоты, чтобы верить подобному?! – И снова залепетал: – Господи, прости мне мои прегрешения! Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной!..

– Клыки и когти? – переспросил я по-арабски шейха. – О чем это он? И что не так с нашими лицами? Про свое не скажу, но с вашим все в полном порядке, будьте уверены.

– С вашим тоже, – ответил аль-Наджиб. – Однако я, кажется, начинаю догадываться, в чем тут дело. – И продолжил дознание: – Когда на ваш город впервые напали вампиры? Говори правду, смертный, и мы оставим тебя в живых!

– В живых?! – взвизгнул горожанин и нервно хохотнул. – Никто не выживает после того, как попадает к вам в плен! А те, кто порой возвращаются оттуда, заражены вашей гнилью и жаждой крови! Почему ты спрашиваешь меня об этом, чудовище? Неужели ты не в курсе того, сколько длится наша война? Четыре месяца! Четыре долгих месяца вы истребляете наш народ! Но вы забыли – на нашей стороне Бог! И он не оставит Паркдейл, так что даже не надейтесь!

– Как вы поступаете с теми, кто возвращается от нас? Их вы тоже истязаете и распинаете на крестах?

На сей раз пленник помедлил с ответом – не иначе, этот вопрос поставил его в тупик.

– Конечно, вам бы очень хотелось, чтобы мы убивали не только вас, но и друг друга! – презрительно скривив лицо, вновь заговорил он. – Однако мы не чудовища! Своих мы не трогаем. Мы их изолируем и заботимся о них, как принято заботиться о заразных больных! Да что там – мы даже пощадили кое-кого из ваших!

– И зачем вы их пощадили? – осведомился шейх.

Горожанин опять замешкался. Его глаза растерянно забегали, а нижняя челюсть задрожала. Он явно смекнул, что сболтнул лишнее, и теперь отчаянно гадал, как быть: умолкнуть или продолжать отвечать на наши вопросы. Пусть он не верил, что мы его пощадим, но, видимо, в нем все еще теплилась надежда на лучшее. А упрямство жертвы не способствовало благодушию ее палачей.

– Затем, чтобы испытывать на вас наше оружие! – выпалил он, не переставая дрожать. Крест в его руке ходил ходуном, отчего казалось, будто он хочет осенить нас крестным знаменем, но у него это никак не получается. – А если среди вас еще остались те, чья душа для Господа не окончательно потеряна, то мы стараемся ее всячески спасти! Стараемся, даже несмотря на то, что вы сами этому упорно сопротивляетесь!

– И где вы держите всех тех, кто одержим дьяволом? – поинтересовался я.

– Можешь пытать меня, сатанинское отродье, но я не выдам тебе эту тайну! – отважно заявил пленник. – Ни за что! Именем Господа заклинаю вас: сгиньте в аду и горите там целую вечность!

– Всему свое время, – заверил я его и опять переключился на арабский. – Кажется, у нас появилась зацепка, Демир-паша. Если мы отыщем место, где эти сумасшедшие держат взаперти подобных нам «вампиров», и освободим кого-нибудь из них, вероятно, нам удастся поговорить с адекватным человеком. И узнать у него о том, что здесь творится.

– Посмотрите на этого фанатика, мой друг, – покачал головой шейх. – Он напуган до полусмерти, но могу поспорить – нам не вырвать из него координаты тюрьмы, даже пытай мы его каленым железом.

– Зачем сразу каленым железом? – усмехнулся я. – Вколем ему порцию «правдоруба», и он сам все охотно разболтает.

– Сыворотка правды? Вы полагаете, она подействует на психа?

– На конченого – нет. Но этот псих пребывает в сознании и осмысленно отвечает на вопросы, а значит, с памятью у него порядок... Спросите его пока еще о чем-нибудь, а я пойду принесу лекарство...

Пока я искал в ящике с медикаментами шприцы с «правдорубом», Шира и Бледный сняли простреленное колесо и вытащили запаску. Но не успели они насадить ее на шпильки, как наше тыловое охранение забило тревогу.

– Едут! – прокричал Крупье, лежа на асфальте и не отрываясь от оптического прицела «Рейнджмастера». После чего, памятуя мой приказ стрелять по готовности, снял винтовку с предохранителя и предупредил: – Внимание! Веду огонь по цели!..

Прежде чем вернуться на улицу, напуганные нашим гранатометом преследователи дали на своем грузовике приличный крюк. Но, завидев, что «Додж» стоит поперек дороги со снятым колесом, снова воодушевились и решили повторно обрушить на нас свинцовый град.

Подъезжать близко инквизиторы не стали и остановились на безопасном, по их мнению, расстоянии от нас. После чего высыпали из «Форда», рассеялись, чтобы не стать групповой мишенью, залегли – кто прямо на дороге, а кто на обочине, – и открыли огонь из ружей, винтовок и пулемета.

– Ложись! – скомандовал я и проследил, чтобы никто не остался стоять на ногах. Врагов было немного, но достаточно для того, чтобы их опасаться. Пули засвистели у нас над головами, а также стали кромсать асфальт в опасной близости от нас. Несколько свинцовых мерзавок

впились в борт и правые боковые дверцы «Доджа». Но и мы в долгу не остались, взявшись отстреливаться короткими прицельными очередями.

Первый выстрел «Рейнджмастера» тоже не заставил себя ждать и прогремел, едва забарабанил вражеский пулемет. Увы, 12,7-миллиметровая пуля не нашла себе жертву. Все, что она натворила, это оторвала у «Форда» левое переднее крыло и унеслась дальше, в яблоневую рощу.

Впрочем, обзывать нашего снайпера мазилой было рановато. Нам не довелось пристрелять эту винтовку ни в Дубае, ни в Скважинске, и сейчас Крупье как раз устранял данный недостаток. Поняв, насколько нужно подкорректировать прицел, он без суеты проделал это. И уже следующим выстрелом уgomонил прижавшего нас к земле пулеметчика.

Пуля «рейнджера» угодила тому не в голову, а в руку, но нас это тоже удовлетворило. Дикие крики раненого и вид крови, фонтанирующей из его оторванной в локте конечности, вмиг отвадили желающих занять его место. Двое товарищей кинулись к нему и, пригнувшись, поволокли бедолагу на обочину. Их мы трогать не стали – зачем тратить пули на тех, кто был для нас уже не опасен? Им потребуется время, чтобы остановить у пулеметчика кровотечение, если это вообще удастся, так что мы переключили внимание на более подходящие цели.

Без пулемета плотность вражеского огня заметно уменьшилась. И все же расслабляться нам было еще рано. После урока, что мы преподали инквизиторам, они и подавно не рискнут идти в атаку. А вот позиционная война им пока не надоела. Испугавшись снайпера, они торопливо расползлись по придорожным кюветам, расположились в них, словно в окопах, и теперь повели по нам перекрестный огонь. Достать противников из автоматов стало сложнее. Поэтому мы отползли за «Додж», а Крупье перекатился вбок и занял новую позицию – за валявшимся на обочине снятым лопнувшим колесом.

Затягивать этот бой нам было невыгодно – с минуты на минуту к врагам могло подойти подкрепление из города. Поэтому Крупье не стал ловить в оптический прицел вражьи головы, а поступил практичнее: зарядил в винтовку патрон с трассирующей пулей и выстрелил в бензобак грузовика.

Громыхнул взрыв, и старый потрепанный «Форд» вмиг превратился в огромный факел. Выплеснувшийся на дорогу бензин запылял столь жарко, что прятавшиеся в кюветах рядом с машиной инквизиторы были вынуждены отступить, дабы не заработать ожоги. Удирать им приходилось в жуткой спешке, так что они, вскочив на ноги, волей-неволей подставились под наши пули. И когда их банда залегла на новые позиции, в ней насчитывалось еще на двух ублюдков меньше.

Столп пламени и черный дым заслонили нас и горожан друг от друга. Отныне и мы, и они могли теперь стрелять только наугад. Но если их такая диспозиция не устраивала, то нам она, наоборот, играла только на руку.

– Прикручивайте колесо! – крикнул я Бледному и Шире, а сам поспешил к шейху, чтобы вместе с ним подтащить пленника к «Доджу» и погрузить его в кузов. Гробик и сменивший «рейнджера» на обычный автомат Крупье продолжали нас прикрывать, не позволяя поредевшему противнику высунуть головы из кювета.

Пришлось спешить изо всех сил, но для нас спешка была привычным темпом жизни. И вот спустя пять минут мы снова мчимся на юг, быстро удаляясь от негостеприимного Парк-дейла. С каждым пройденным километром Маунт-Худ становился все ближе и величественнее, пока наконец его громада не закрыла собой весь южный небосклон. Яблоневые сады закончились, и нас опять окружали хвойные леса, каменистые возвышенности и ущелья с текущими по ним ручьями, что брали начало на заснеженных склонах вулкана. Из-за этого шоссе превратилось из прямого в извилистое, стало раза в полтора уже и почти все время шло на подъем.

Бело оно, судя по всему, к одной из туристических баз – их было много в окрестностях живописной горы. Забираться туда у нас отсутствовала необходимость. Как, впрочем, и цель,

к которой мы могли бы устремиться, была нам еще не видна. Но над этим вопросом мы как раз работали. Не желая терять времени, я вколол пленнику «правдоруб» сразу, как только мы погрузили его в кузов, и к этому моменту сыворотка наверняка уже подействовала. Свернув с шоссе на примыкающую к нему ухабистую лесную дорогу, мы проехали еще немного, пока не скрылись за деревьями. И лишь тогда остановились, чтобы продолжить допрос охотника за вампирами.

Он выронил и потерял свой крест, когда пытался воспротивиться своей погрузке в пикап. Но его это больше не тревожило – сказывалось воздействие притупляющего эмоции препарата. По этой же причине пленник – его звали Саймоном – перестал дрожать, хотя молитвы все еще бубнил и смотрел на нас со страхом и ненавистью. Правда, теперь она была тупая и пассивная – помимо эмоций «правдоруб» подавлял также волю своей жертвы. Причем настолько, что положи я рядом с Саймоном заряженный автомат и отойди, он даже не попытался бы им воспользоваться.

– Где находится изолятор, в котором вы держите своих зараженных? – спросил у пленника аль-Наджиб, тщательно и громко проговаривая каждое слово. Это было необходимо, потому что лишенный воли Саймон стал заторможенным и до него еще следовало докричаться.

– Изолятор... Зараженные... Я знаю, где это, – ответил он. Его мозговые извилины работали со скрипом, но в правильном направлении. – Наш рыбозавод... Это там...

– Уже ищу, – подал голос Крупье, проверяя имеющуюся у него на ноутбуке интерактивную спутниковую карту. – Один момент... Так... Все, нашел! Судя по всему, это здесь, потому что другого такого завода вблизи Паркдейла нет.

Мы подошли к стоящему на капоте «Доджа» ноутбуку и взглянули на монитор. Нужный нам объект располагался в паре километров к западу от города, на берегу одной из бурных речушек, стекавших с Маунт-Худа. Назвать это заводом было сложно – скорее, заводиком, где перерабатывалась рыба, разводимая в окрестных прудах и озерах. К югу от него высились лавовые холмы – возвышенности, представляющие собой нагромождения давно застывшей лавы. Они были почти лишены растительности и напоминали бугристую черно-серую лапу исполинского дракона. Она лежала поверх аляповато-зеленого ковра, каким выглядела эта местность на сделанных еще летом спутниковых снимках.

– Сколько человек присматривают за этими зараженными и охраняют рыбозавод? – спросил я у пленника.

– Присматривают... Охраняют... – повторил он, вяло растягивая слова. – Десять братьев. Или двенадцать. Живут прямо там. Меняются раз в неделю.

– Какое у них оружие?

– Оружие... Обычное. Ружья. Винтовки. Револьверы.

– Это место находится на отшибе, босс, – заметил Бледный, обведя пальцем отображенный на мониторе заводской комплекс. – Если учесть, что заезжая «нечисть» вроде нас тянется прежде всего к городам, здесь, должно быть, царит затишье. А значит, внутренняя угроза тревожит тамошний гарнизон больше, чем внешняя. Уверен, основное его внимание сосредоточено на заключенных, а не на подступах к заводу.

– Предлагаешь атаковать его в лоб?

– Вшестером? – Майор обвел взглядом присутствующих. На самом деле он хотел сказать «вчетвером», но из вежливости не стал разделять наш отряд на боеспособных и условно боеспособных членов. – Нет, конечно. Как ни крути, но дюжина ружей и револьверов – это угроза, которую нельзя недооценивать... Что я сейчас предложил бы, так это иорданский сценарий две тысячи второго года.

– Какой из двух? Тот, что мы разыгрывали под Ирбидом или в Эль-Катране?

– Под Ирбидом... По-моему, у нас есть для этого все средства, да и условия вполне благоприятствуют.

– Хм... Любопытная мысль. – Я задумчиво почесал лоб и посмотрел на накачанного «химией» пленника. Который был совершенно равнодушен к нашему разговору даже несмотря на то, что он его напрямую касался.

– О чем вообще вы толкуете? – не поняла Шира.

– О том, как бы использовать нашего американского друга на благо нашего общего дела вместо того, чтобы пустить ему пулю в лоб, – ответил я ей по-русски. – Нам либо придется убить Саймона за то, что он много видел и слышал, либо задействовать в грядущей операции. Третьего не дано.

– И в какой роли он будет задействован? – вновь спросила Крамер.

– В роли самого себя, разумеется, – ответил я. – Вернее, того, за кого его примут его же товарищи. Он побывал в плену у нечисти, а оттуда, как гласит здешняя народная примета, нормальным уже не возвращаются...

– Итак, что мы на данный момент выяснили, – подытожил первую стадию нашего расследования аль-Наджиб перед тем, как мы уселись в машину и отправились к рыбозаводу. – Местное население, да смилостивься над ним Всевышний, подверглось долговременному психотропному воздействию, отчего все приезжие люди кажутся им порождениями Преисподней. Нет сомнений в том, что Саймон говорит вовсе не фигурально – он и впрямь видит нас чудовищами с клыками и когтями. Со всеми вытекающими последствиями, в виде страха и насилия, которое аборигены искренне считают самообороной. Неудивительно, что при этом среди них также бывают жертвы – как, например, сегодня. И всякий раз эти жертвы лишь укрепляют их убежденность в том, что с нечистью надо вести не переговоры, а непримиримую священную войну по принципу «бей первым». В общем – классический случай эскалации конфликта, который рано или поздно приведет к полному истреблению Паркдейла.

– По-вашему, эта война идет только здесь или психотропной атаке подверглись все населенные пункты на территории Орегонской зоны? – спросил я.

– Почти не сомневаюсь, что это бедствие охватило ее целиком, – ответил шейх. – Да, предсказать стратегию «серых» трудно, если вообще возможно. Но кое в чем они соблюдают постоянство. И принцип «одна зона – один черный разлом – одна разновидность аномального бедствия» они вроде бы пока не нарушали.

– Даже если так, – заметил я, – и мы с вами верно поняли характер здешней угрозы, как-то слабовата она выглядит по сравнению с тем же скважинским плазмодемоном. Вести войну с обычными сумасшедшими, пускай даже вооруженными – как-то это чересчур банально, не находите?

– Не торопитесь с выводами, мой друг, – покачал головой Демир-паша. – Нельзя судить о полной картине происходящего в Орегоне по состоянию дел в одном-единственном городке. Тот факт, что по милости «серых» мы три месяца просидели на скамье запасных и вернулись в игру на этом ее этапе, наверняка имеет значение. И нам с вами нужно во что бы то ни стало разгадать эту загадку, прежде чем «серые» начнут загадывать новые. Так что давайте отправимся на фабрику и поищем там необходимые ответы. Будем надеяться, они нас не слишком разочаруют...

Глава 3

Чтобы добраться до рыбозавода, нам пришлось проделать обратный путь. Само собой, не по шоссе, а по дорогам, проложенным меж яблоневых посадок. Летом и в пору уборки урожая по ним наверняка сновали тракторы и машины, но сейчас сады были совершенно пусты. Кресты с распятыми на них вампирами, что там и сям торчали вокруг Паркдейла, теперь нам на глаза не попадались. И неудивительно, так как проку от них в этой глуши было бы не больше, чем в дорожном знаке «Берегись автомобиля!» на необитаемом острове.

Пока мы колесили и петляли среди пустынных, сбросивших листву рощ, наступил вечер. Это было весьма кстати, поскольку вторгаться на рыбозавод было лучше в сумерках. Все мы нарядились в охотничьи штаны и бушлаты и потому чувствовали себя гораздо лучше, чем утром. Похищенных вещей оказалось достаточно для того, чтобы даже дюжий Гробик и невысокая Шира смогли подобрать себе одежду по размеру. Оставшуюся мы, естественно, не выбросили, а упаковали в багажный отсек. На случай, если нам опять придется ночевать на открытом воздухе. В прошлый раз, во время нашей аномальной трехмесячной спячки, нам не дали замерзнуть «серые». Теперь, когда мы вновь были предоставлены самим себе (так, по крайней мере, я предполагал), лишь теплая одежда спасет нас от холода в ноябрьскую орегонскую ночь. И мы, уверен, еще не раз скажем себе спасибо за то, что выкрали из «Пещеры Короля Маунт-Худа» столько шмоток, сколько смогли унести.

Я снова ехал в кузове вместе с Крупье и Гробиком. Перед тем, как мы доберемся до рыбозавода, нам нужно было провести кое-какую подготовку. А именно – напоить пленника водкой. Ее запас у нас также имелся – сугубо в медицинских и дипломатических целях, поскольку на работе мы к спиртному даже не прикасались. Но для того, чтобы, например, быстро согреться после купания в холодной воде или подружиться с нужным человеком, любителем выпить, спиртное всегда имелось у нас под рукой. Так же, как сигареты, хотя никто из нас не курил. Старая шпионская традиция: сигаретами и выпивкой всегда можно угостить незнакомого тебе человека. И, начав беседу на этой дружественной ноте, быстро втереться к нему в доверие.

Нынче нам втираться в доверие пленника было уже поздно (да и бесполезно), и потому угощение в него вливалось насильно. Впрочем, много водки ему не потребовалось. Растворенный у него в крови «правдоруб», смешиваясь со спиртом, усиливал действие последнего, и мы тщательно следили за тем, чтобы не переусердствовать. Клиенту следовало быть сильно пьяным, но держаться на ногах и связно разговаривать. Обвинят его сограждане в том, что он якшался с нечистой, или нет, еще неизвестно. Но они точно не отнесутся всерьез к словам человека, от которого за милю разит выпивкой.

Как ни ерепенился пленник, протестуя против навязанного ему угощения, но, когда мы достигли места назначения, он был пьян. Еще не в стельку, но очень близко к этому. Говорят, что обычно люди в таком состоянии неуправляемы. Это не так. Наоборот, очень даже управляемы. Но при одном условии – надо обозначить для них четкий ориентир и дать стимул не отклоняться от заданного курса.

Оставив пикап на обочине дороги, метрах в двухстах от рыбозавода, мы велели Шире приглядывать за машиной. И пригнать ее к заводским воротам сразу, как только Крамер получит от нас сигнал по УЗП. Сконструированные Крупье ультразвуковые передатчики были единственным устройством, способным обеспечить нам беспроводную связь в аномальных зонах. Шира не владела морзянкой, с помощью которой общались через такие передатчики мы, но ей это и не требовалось. Простое мигание сигнальной лампочки подскажет ей, когда пора заводить мотор и гнать «Додж» в условленную точку.

Дав Крамер последние указания, мы заткнули пленнику рот кляпом, затем напаяли ему на голову мешок и, подхватив его под руки, пошагали вместе с ним через лес к рыбозаводу.

Он давно не функционировал, но был освещен фонарями, так же как и подступы к нему. Даже спустя четыре месяца со дня образования Орегонской зоны с электричеством в ней был полный порядок. Это косвенно свидетельствовало о том, что в ней обошлось без разрушительных катаклизмов, а все здешние боевые действия не вылились в полномасштабную войну.

Завод был единственным освещенным объектом в пределах нашей видимости. И когда с головы пленника был снят мешок, он наверняка сразу узнал это место. По крайней мере донесшееся из его заткнутого рта мычание звучало радостно. Кляп мы затем тоже вынули. А вот руки развязывать не стали, дабы пьяный Саймон не хватался ими за что не следовало. После чего, не обращая внимания на околесицу, которую он понес, надели на него плащ-накидку и развернули в нужном направлении. А сами отступили назад и скрылись во мраке среди деревьев.

Далеко уходить мы, естественно, не намеревались. Как только получивший свободу пленник осознал это и, продолжая без умолку бредить, потопал в сторону заводских огней, мы последовали за ним.

Поначалу это можно было делать, совершенно не таясь. Саймон не оглядывался и вообще, похоже, забыл о нашем существовании, едва мы скрылись с его глаз. Но на опушке, за которой начиналась территория завода, мы остановились. После чего растянулись в цепь, залегли в сухой траве и достали бинокли. А Саймон продолжал идти на свет, качаясь из стороны в сторону и издавая пьяные выкрики.

Рыбозавод был обнесен ограждением из обычной металлической сетки. Но внутри, возле корпусов, виднелись укрепления – легкие баррикады, сооруженные из мебели, контейнеров, поддонов и иного подручного хлама. Объект не являлся стратегическим – вряд ли горожане стали бы проливать кровь за тех, кого они здесь содержали, – и потому не был рассчитан на длительную оборону. Тем не менее брать его штурмом мы все равно не рискнули. Ради чего и затеяли всю эту игру с «засланным казачком».

Не будь он сильно пьян, вряд ли нам удалось бы использовать его в этом качестве. На трезвую голову Саймон мог поступить благородно: он или отказался бы возвращаться к своим после того, как был «осквернен» нами, или даже покончил с собой. Но, проведя с ним алкогольную подготовку, мы усыпили в нем предательский разум и отдали пленника на попечение одним лишь инстинктам. Которые и вели его сейчас напрямик на свет. К товарищам, у которых он хотел после всего пережитого обрести утешение и поддержку.

Ворота – трубчатая рама на колесиках, обтянутая той же сеткой, – оказались заперты. Руки Саймона были связаны за спиной, поэтому он сначала потыкался в преграду грудью, пытаясь сдвинуть ту в сторону. Это не принесло результата, и он взялся с криками пинать сетку, требуя, чтобы его немедленнопустили.

Вопли позднего визитера были услышаны. Едва он поднял шум, как от баррикады к нему устремились двое охранников с винтовками. Кажется, кто-то из них узнал Саймона по голосу, потому что оба они сразу же опустили оружие и бросились открывать ворота. То, что он оказался пьян, никого не удивило – очевидно, сегодня в Паркдейле это был распространенный грех.

Сетчатая перегородка отъехала в сторону, гость ввалился в ворота, и охранники получили первый неприятный сюрприз. Мы понятия не имели, как пребывание в нашей компании могло осквернить аборигена – для нас каким он был, таким и остался. Но подвергнутые психотропному воздействию – по версии аль-Наджиба – другие аборигены так не считали. Тут же их винтовки снова нацелились на собрата, только вместо выстрелов ему было приказано поднять руки и лечь на землю лицом вниз.

Плащ-накидка связанного Саймона не позволяла охранникам увидеть, почему он не может исполнить их приказ. Поэтому они, видимо, объяснили его строптивость опьянением. Судя по всему, при контакте зараженного человека с обычным скверна уже не передавалась,

потому что сограждане без опаски подступили к Саймону вплотную и схватили его. Но прежде чем повалить его наземь, они решили сорвать с него дурацкую неудобную накидку...

...И обнаружили под ней второй сюрприз, который поверг их в еще больший ужас!

Жаль, было далековато, и мы не могли увидеть в этот момент выражения их лиц. Тот небось они повытягивались, когда под накидкой нашего «казачка» обнаружился разгрузочный жилет, карманы которого были битком набиты взрывчаткой. Саймон не просто нес ее на себе – он являлся ходячей бомбой с часовым механизмом, прикрепленным к его груди и уже ведущим обратный отсчет до взрыва, показывая убывающие минуты и секунды на маленьком электронном табло.

И времени на то, чтобы разрядить бомбу, у охранников оставалось крайне мало – пять с небольшим минут. Мы знали это совершенно точно, потому что секундомер на моих часах был синхронизирован с таймером на «поясе шахида».

Обезвреживание бомбы... Я бы весьма удивился, если бы кто-то из стражей изолятора взял на себя эту смертельно опасную работу. Но, как, впрочем, и ожидалось, героев среди них не нашлось. Узрев ведущий обратный отсчет таймер и внушительное количество навешанной на смертника взрывчатки, охранники в ужасе переглянулись, попятились, почти в один голос выкрикнули «*O, holy shit!*» и, не сговариваясь, рванули наутек. Но не прочь с завода, а обратно, к корпусам. Туда, где находились их товарищи, которые еще не ведали о нависшей над ними угрозе. И которых эта парочка сочла своим долгом о ней предупредить.

Возможно, пьяный Саймон и сознавал, в какое страшное оружие мы его превратили. Но его замутненный водкой рассудок отреагировал на бегство братьев вполне естественно – заставил Саймона броситься следом за ними. Однако, если ходить в таком состоянии он еще мог, то спринтерские рывки были ему уже противопоказаны. Пробежав несколько шагов, «камикадзе» споткнулся и упал, треснувшись лицом об асфальт. После чего так и остался лежать ничком, видимо, потеряв от удара сознание.

Срочная эвакуация с рыбозавода касалась только охранников. И немудрено: часики неумолимо тикали, и вывести отсюда узников представлялось уже невыполнимой задачей. Поэтому при грядущем взрыве они должны были погибнуть. Что никого особо не волновало, ведь их и так оставили в живых лишь из сострадания. А теперь и оно было забыто. Напуганные охранники в панике выскакивали из корпусов, перепрыгивали через забор и стремглав улепетывали в лес, дабы успеть отбежать подальше, прежде чем все здесь взлетит на воздух.

– Вперед! – скомандовал я группе, когда последний из беглецов перемахнул через ограждение. Следовало понимать, что на территории завода больше не осталось врагов, и нам не придется тратить на них патроны.

Мы вскочили на ноги и, пригнувшись, поспешили к заводским воротам. На все про все у нас было не более пяти минут. Так что пришлось забыть о конспирации и действовать в лучших традициях штурмовиков-спецназовцев: стремительно и беспощадно.

Ах да, я ведь запамятовал о самом главном – о взрыве, которого так испугались охранники и который должен был вот-вот прогреметь!.. По крайней мере, так они думали. В действительности же никакой взрыв им и рыбозаводу не угрожал. Ну разве что они сами, убегая, забыли выключить газ или бросили тлеющий окурок возле бочки с бензином.

Хвала Голливуду и обожающим смаковать акты насилия телерепортерам: сегодня нет нужды объяснять простым американцам, и не только им, как выглядят взрывные устройства террористов-камикадзе. Даже обычная домохозяйка или подросток могут во всех подробностях описать вам «пояс шахида», даже не глядя на него. А если они вдруг увидят эту штуковину воочию, то сразу же поднимут тревогу и бросятся бежать.

У нас имелось достаточно взрывчатки, чтобы соорудить настоящий пояс смертника. Да только зачем он нам сдался, если мы могли обойтись без взрыва, стрельбы и смертоубийств? Напилив в лесу три десятка ровных одинаковых палок длиной около тридцати сантиметров

каждая, мы обмотали их коричневым скотчем и прикрепили к ним отдельные провода, после чего они стали похожи на динамитные пашки. Затем мы рассовали их в разгрузочный жилет, а другие концы проводов подцепили к настоящему таймеру-взрывателю, который закрепили на самом видном месте. Под ним для полного правдоподобия и отвода глаз повесили несколько электронных штучек из запасов Крупье – реле, клеммную коробку и еще какую-то ерунду, – и тоже соединили их проводами. На вид вышло довольно грозное и сложное устройство, хотя единственной функционирующей деталью в нем был лишь вышеназванный таймер.

Чтобы пьяный «камикадзе» не испортил раньше времени нашу бутафорию, его руки оставили связанными. А чтобы она стала сюрпризом для охранников, Саймона вдобавок нарядили в плащ-накидку. И, запустив на таймере обратный отсчет, отправили на дело. С которым он справился просто превосходно. И без малейших усилий со своей стороны очистил нам рыбозавод от противника гораздо быстрее и гуманнее, чем если бы мы брали тот штурмом.

– Негоже оставлять этим олухам столько ценного добра! – пояснил Крупье, срезая с лежащего в отключке Саймона обнулившийся таймер и прочую электронику. – Для них оно – мусор, а нам так или иначе еще пригодится.

– Поторопись! – крикнул я ему, не сбавляя хода. – И как закончишь, сразу вызывай сюда Ширу!

Капитан показал мне большой палец – дескать, вас понял! – и продолжил «разряжать» псевдобомбу. А мы, не снижая шага, направились напрямик к сырьевому складу. Туда, где, по словам Саймона, жители Паркдейла держали своих якшавшихся с нечистью, оскверненных сограждан.

Изолятор был оборудован довольно просто. На складе имелась дюжина бассейнов для живой рыбы. Выкачав из них воду, инквизиторы поместили туда узников и сверху перекрыли резервуары железными решетками. На прогулки этих бедолаг вряд ли выводили, а кормили, просовывая еду сквозь прутья решеток. Несмотря на неприглядные условия содержания, в «камерах» было относительно чисто – судя по всему, все экскременты регулярно смывались из шлангов в сливные отверстия бассейнов.

В каждом из них сидело по пять или шесть человек. Мужчины, женщины и дети были, естественно, разделены. Мы не считали, но по беглым прикидкам всего в изоляторе находилось около полусотни «зараженных». На наш взгляд – совершенно обычных людей, но сами они явно считали иначе, воспринимая себя и своих сокамерников в облике монстров. Я понял это, когда ни один из них не запрыгал при виде нас от радости и не стал умолять освободить его. Наоборот, узники таращились на нас из-за решеток с таким ужасом, что мне даже захотелось перед ними извиниться. За то, что мы посмели вероломно сюда ворваться и напугали их.

– Прикажете открыть камеры, полковник? – осведомился у меня шейх, с опаской глядя на угрюмо помалкивающих арестантов.

– Вот еще! – бросил я в ответ. – Зачем нам освобождать этих людей? Да они же сразу набросятся на нас, чтобы поквитаться с нами за то, что мы якобы осквернили их чистые, непорочные души! Нет уж, пускай торчат здесь столько, сколько отмеряно им судьбой. А я выступать в ее роли категорически отказываюсь.

Крайняя камера была, однако, не такая, как прочие. В ней сидел всего-навсего один человек – молодой рослый негр в полевой армейской форме. С виду он ничем не отличался от своих товарищей по несчастью, но тем не менее его реакция на наше появление оказалась иной. Заметив нас, громила несколько секунд растерянно хлопал глазами, но потом запрыгал, замахал руками и радостно закричал:

– Эй! Эй вы, парни! Вы ведь солдаты, да?! Точно солдаты, я же вижу! Эй, я свой! – И, выделив меня из нашей группы как старшего по возрасту, заговорил уже со мной: – Виноват, не знаю, вашего звания, сэр, но прошу, выслушайте меня! Я – сержант Эндрю Фуллер! Морская пехота, Первая дивизия, Пятый полк! Эти люди незаконно удерживают меня здесь почти

полтора месяца! Помогите мне выбраться отсюда, сэр! Весь мой отряд, похоже, погиб! И я бы тоже погиб, но меня зачем-то оставили в живых...

Отчасти верное наблюдение – будь мы американцами, он и впрямь мог бы называть нас братьями по оружию. Когда мы носили гражданскую одежду, у нас без труда получалось выдавать себя за кого угодно. Но в камуфлированных охотничьих штанах и бушлатах нашу военную выправку было не скрыть от наметанного солдатского глаза.

– Похоже, этот тип – именно тот, кого мы ищем, босс, – сказал Бледный, указав на Фуллера.

– Похоже, что так, – согласился я. И, подойдя к краю бассейна, обратился к Эндрю: – Сержант! Здесь есть еще заключенные, которым не мерещатся вампиры и прочая чертовщина?

– Полагаю, что нет, сэр, – ответил тот. – Я отсюда никого не вижу, но иногда пытаюсь до кого-нибудь докричаться. Без толку! Эти сумасшедшие только и делают, что постоянно молятся, плачут, несут всякую ахинею или скандалят друг с другом.

– Понятно, – кивнул я. Потом осмотрел внимательнее соседние камеры и решил, что Фуллер не ошибается. На меня таранилось из-за решеток множество пар глаз, но эти взгляды больше походили на взгляды затравленных животных, чем людей. – Ладно, вытаскиваем парня и уходим! Живее!

Решетки, что накрывали бассейны, крепились к ним элементарным способом: к их углам были привязаны проволокой железные детали от автомобилей и промышленного оборудования. Отчего и без того тяжелые перегородки становились совершенно неподъемными. Большинство узников не могло дотянуться до них со дна резервуаров, и эта мера предосторожности являлась достаточной. Разумеется, до тех пор, пока к арестантам не придет помощь извне.

Перекусив проволоку карманными кусачками, мы сняли с решетки отягощения. Затем совместными усилиями сдвинули ее в сторону и, ухватив сержанта за руки, вытащили его из бассейна. Иной помощи ему не потребовалось, так как он не выглядел больным или ослабевшим. Видимо, в заточении Эндрю не забывал о физических упражнениях, да и голодом его, так же как других арестантов, не морили.

Едва мы его освободили, как снаружи донеслись три короткие автоматные очереди. Стреляли, правда, пока не по нам. Это следящий за подступами к заводу Крупье давал понять, что не дождавшиеся взрыва хозяева возвращаются. А заодно намекал им, чтобы они не расслаблялись и продолжали бояться тех, кто подослал к ним мнимого «шахида».

В ответ из леса раздалось несколько одиночных выстрелов. Сделаны они были наугад, поскольку вряд ли враги заметили, откуда по ним велся огонь. А вот ворвавшийся на территорию завода «Додж» (мы оставили ворота открытыми, чтобы Шира смогла заехать внутрь и вывезти нас отсюда как можно быстрее) не заметить было трудно. Но робеющие охранники не рисковали выходить на опушку, а все еще отсиживались за деревьями, которые загораживали им видимость. Вдобавок пикап являл собой движущуюся мишень, что также усложняло задачу стрелкам противника.

Крамер умела управлять машиной, но с такой крупной техникой, похоже, раньше дел не имела. Желание не ударить в грязь лицом заставляло ее спешить, и она не утруждала себя аккуратностью вождения. Протаранив одну из баррикад – благо, та была сделана из мебели, – Шира описала по заводскому двору лихую петлю и, ударив по тормозам, остановила завизжавший покрывками «Додж» напротив выхода из цеха. После чего выскочила из-за руля и переместилась на заднее сиденье, уступая место Бледному.

Хлопнув на бегу Эндрю по плечу, я указал ему на кузов, куда он, а вслед за ним я и Гробик, запрыгнули сразу, как только выбежали из цеха. Крупье, который прикрывал нас до тех пор, пока мы не очутились в машине, занял мое место в салоне. Выпустив на прощание очередь по вяло огрызающимся из леса охранникам, капитан заскочил в пикап последним. И Бледный, утопив педаль газа в пол, помчал нас прочь от этого отвратительного места, где

одни безумцы держали в клетках других, играя в какую-то дикую игру, смысл которой мы так и не выяснили...

Пробыв полтора месяца в компании сумасшедших, любой нормальный человек мог сам превратиться в такового. Но Эндрю Фуллер был не офисным клерком, а сержантом морской пехоты. Чтобы свести с ума такого крепыша, его следовало поместить в гораздо более тяжкие условия. И поручить издеваться над ним не фермерам и работягам, а настоящим мастерам заплочных дел. Первый же заданный мне Фуллером вопрос дал понять, что его рассудок в полном порядке. И что он – отнюдь не тупой солдафон, а довольно смысленный и наблюдательный человек.

– Разрешите вопрос, сэр? – обратился ко мне Эндрю, когда мы отъехали подальше от рыбозавода, и нам вслед перестали лететь пули.

– Разумеется, сержант, – отозвался я. – Спрашивайте о чем угодно.

– Вы не солдаты, я прав, сэр? И даже не американцы. Могу я узнать, кто вы такие и откуда прибыли, сэр?

– Ты угадал. Мы действительно не те и не другие, – ответил я, не видя смысла выдавать себя за тех, кем мы не являлись. Однако это еще не означало, что я скажу Фуллеру правду. На заданный им вопрос существовало не два, а как минимум десяток различных ответов. И не обязательно лживых – половину из них можно было считать сравнительно честными. – Мы – отставные ветераны Французского Иностранного легиона, прибывшие сюда по просьбе частного лица из Европы для того, чтобы отыскать его дочь. Она была альпинисткой, приехала сюда, чтобы взойти на Маунт-Худ, и пропала в тот день, когда здесь образовалась аномальная зона. К сожалению, по независящим от нас причинам, мы прибыли сюда с большим опозданием – всего три дня назад. И теперь разыскиваем тех, кто мог бы подробно рассказать нам о том, что здесь творится.

– То есть, если я вас правильно понял, сэр, вы – иностранные наемники, работающие на территории США э-э-э... нелегально?

– В точку, сержант! – подтвердил я. – Именно так и есть. Вам, морпехам, некогда искать в этом хаосе одного-единственного человека, да к тому же иностранца. Вот мы и берем на себя добровольно часть вашей работы. А попутно помогаем вам наводить здесь порядок и вызволяем вас из плена. Ну а кто мы такие – нелегалы или нет, – кому какое дело... Или этот факт представляет для тебя серьезную проблему?

Я продолжал открыто и искренне улыбаться гостю. Сидящий справа от него Гробик тоже старался выглядеть дружелюбным, но его правая рука незаметно легла на рукоятку пистолета. Выдавать оружие Фуллеру мы не собирались – да он и сам пока его не просил. Так что если морпех вдруг захочет погеройствовать или удрать, шансов на то и на другое у него практически не было. Пускай мы освободили его из тюрьмы, в нашей компании он не мог чувствовать себя в безопасности. Особенно если нам покажется, что он против нас что-то замышляет.

Вот зачем я рассказал Эндрю эту заведомо провокационную историю. Первая его реакция на подобное «чистосердечное» признание – верный индикатор того, чего нам ждать от него в дальнейшем. К счастью для нас обоих, он повел себя так, как мне хотелось бы. То есть не вытаращил от испуга глаза, не задергался, прикидывая шансы на побег, и не начал пытаться пудрить нам мозги враньем. Нет, он воспринял мое признание спокойно, после чего понимающе кивнул и усмехнулся. Так, словно подобное было для здешних краев в порядке вещей.

– Похоже, сержант, мне не удалось вас удивить, – заметил я в ответ на его ухмылку. – Интересно почему?

– Так точно, сэр, – не удалось, – ответил Фуллер. – Знаете, кого я только тут за это время не встречал! Пришельцев в серых комбинезонах, вытворяющих чудеса. Взвод русских десантников на бронетехнике. Людей со странным оборудованием, ищущих странные вещи. И это не считая массового помешательства местных жителей, которые казнили моих товари-

щей, поскольку всерьез считали нас вампирами. Так что простите, сэр, но ваша история на фоне всего этого психоза выглядит абсолютно нормальной...

Что ж, возможно, он прав. Вот только что запоет Эндрю, когда опознает во мне знаменитого Грязного Ирода, который, согласно официальным данным, скончался в российской тюрьме полгода назад? Или все-таки не опознает? Еще в Скважинске я обрил себе голову и отрастил бородку-эспаньолку. После чего, если верить моим людям, стал выглядеть не так презентабельно, как раньше. Зато и узнать во мне военного преступника с мировым именем стало сложнее. Тем не менее, Шире Крамер при нашей первой встрече это удалось. Но хитрая бестия сама являлась преступницей. А рыбак рыбака, как известно, видит издали, пускай мы и «рыбачили» с ней в свое время на разных водоемах.

Насколько зорок глаз и крепка память у американского морпеха, мне еще только предстояло выяснить. У него хватило ума понять, что я иностранец, но сможет ли он вычислить акцент, с которым мы говорим? Наш английский был, конечно, не безупречен, но и не настолько плох, чтобы его огрехи выпирали наружу. Авось удастся выдать себя, к примеру, за датчанина или тех же французов – вряд ли этот чернокожий парень с американского Запада знаком с данными европейскими языками.

– Позвольте спросить, куда вы меня везете, сэр? – вновь полюбопытствовал Эндрю.

– Подальше от Паркдейла, – ответил я и вкратце обрисовал гостю наши ближайшие планы: – Первым делом найдем место для ночлега и отдохнем. Не знаю, как было у тебя, а у нас выдался суевликий денек.

– А в каком направлении вы двигаетесь? – Похоже, в темноте и суете побега Фуллер не заметил, куда свернул «Додж», выехав из ворот завода. Бледный же вез нас по лесной дороге на юго-запад. И теперь, переехав вброд несколько речушек, мы, согласно карте, находились на участке вулканического предгорья, где в радиусе десятка километров не наблюдалось селений. И где было маловероятно нарваться на психопатов-аборигенов, коим повсюду мерещилась нечисть.

– Понятно, сэр, – кивнул морпех, когда я уточнил ему наш текущий курс. – И я бы на вашем месте где-нибудь здесь заночевал. Дальше на этом маршруте будет уже не так спокойно. Эта дорога скоро выйдет на шоссе Лоло-Пасс, а вам ведь не хочется столкнуться там с армейскими патрулями?

Мысль была здравая. Желай Эндрю выдать нас собратям по оружию, вряд ли он заикнулся бы насчет шоссе и патрулей. Поэтому, когда нам попался поворот и табличка, указывающая, что он ведет к кемпингу, я велел Бледному сворачивать туда.

Вскоре мы очутились на маленькой полянке, со всех сторон окруженной густым еловым лесом. Вряд ли в былые времена она пользовалась большой популярностью у туристов, поскольку окрестные деревья напрочь заслоняли им главную здешнюю достопримечательность – Маунт-Худ. Сегодня обнаружить на этом месте нежелательных соседей было и вовсе маловероятно. Зато мы обнаружили кое-что другое: домик, сколоченный из фанерных щитов. Судя по всему, он предназначался для мамаш с маленькими детьми, которым было неудобно ночевать в машинах или палатках. В домике имелась дровяная печурка, кровати и иная неприятная мебель, позволяющие с относительным комфортом провести здесь ночь-другую.

Пока Бледный и Гробик собирали дрова и размещали вокруг поляны сигнальные мины-растяжки, Крупье взобрался на крышу домика и установил там видеосистему кругового наблюдения. Она могла сканировать подступы к базе в инфракрасных лучах и в случае чего посылала сигнал тревоги по проводу на лэптоп. Проверив, что умная электроника исправно засекла наших сборщиков хвороста, мы остались довольны. После чего поручили ей работать в дежурном режиме и стали обустраивать свое временное обиталище.

Спустя полчаса, когда в печурке уже потрескивал огонь, наша компания сидела за одним столом, поглощала скромный ужин и слушала рассказ Эндрю. Которому, разумеется, было о

чем нам поведать. Он находился в Орегонской зоне почти со дня ее образования, даром что провел без малого половину этого срока в плену у аборигенов...

Рождение Тридцать второй зоны не сопровождалось жуткими катаклизмами. Просто однажды, в конце июля нынешнего года – еще до появления Скважинской аномалии, – в радиусе полусотни километров от Маунт-Худа вдруг пропала вся беспроводная связь. После чего из этого района, как по команде, рванули птицы и дикие животные. А вслед за ними – кошки и собаки. Те собаки, что сидели на привязях, принялись выть и одержимо рваться с цепей. И не прекращали буйства, пока хозяева, сжавшись, не отпускали их на свободу.

Все признаки образования новой зоны были налицо, хотя в округе не зафиксировали ни землетрясений, ни иных стихийных бедствий. Военные и американское «МЧС» – ФЕМА – быстро определили границу территории, которую следовало блокировать и поместить в карантин. Северная точка этой окружности лежала на берегу Колумбия-ривер. Южная – возле маленького вулканчика Олалли Батти, торчащего между Маунт-Худом и еще одной популярной у альпинистов возвышенностью – горой Джефферсона. Западная граница пересекала городок Санди, а восточная – Тай-Вэлли. Тогда же выяснилось, что черный разлом – центр любой подобной аномалии, – находится не на вершине Маунт-Худа, как поначалу все считали, а южнее – на берегу озера Триллиум. В общем, никакой «высшей» логики в месторасположении Орегонской зоны не обнаруживалось. Она захватила лишь мелкие города, фермы и туристические базы на севере штата. И что за опасность им грозила, было в тот момент решительно непонятно.

Хаос начался через несколько часов, когда местных жителей и туристов, прибывших в этот район до катастрофы, охватила паника. Прежде чем зона была помещена в карантин, ее границу успело пересечь немало людей. Которые и не подозревали тогда, что отсутствие связи – наименьшее из зол, уготованных им здесь.

Как выяснилось впоследствии, подозрительно тихий орегонский катаклизм разделил обитателей зоны на две неравные группы. Те, кому не посчастливилось очутиться здесь после ее появления, оставались нормальными людьми. Но – только для таких же недавних приезжих. Вторая, гораздо более многочисленная категория граждан смотрела на них с нескрываемым ужасом. И, крича, обзывала их чудовищами, а также прочими нелестными эпитетами. И ладно бы только обзывала! Вскоре дело дошло и до насилия, ведь не каждый человек готов стерпеть, когда его оскорбляют ни за что ни про что. Потасовки от единичных перешли к массовым. А когда с обеих сторон появились первые жертвы, в ход пошли не только кулаки, но и оружие.

Во что это в итоге вылилось, было понятно и без уточнений Фуллера. В Орегонской зоне началась локальная гражданская война. Или Армагеддон, если оценивать ее глазами тех, кто воевал не с согражданами, а с тварями из Преисподней. И вторые благодаря своему количественному превосходству быстро одержали верх над первыми.

Как бывает и на любой войне, в этой тоже не обошлось без беженцев. Вот только в связи с карантином армия теперь не выпускала из зоны никого. Конечно, нельзя оцепить лесной и гористый район площадью восемь тысяч квадратных километров так, чтобы туда или оттуда даже мышь не проскочила. Поэтому кое-кому наверняка удалось скрыться. Но таковых насчитывались единицы – выданные войскам ультрасовременные средства охраны и наблюдения были задействованы в полном объеме и днем, и ночью.

Армия не выпускала за периметр беженцев, но и молча взирать на насилие, которое здесь творилось, она тоже не собиралась. В зону были введены подразделения миротворцев... которые тут же ощутили на себе весь гнев борцов с нечистой силой! Сержант Фуллер командовал разведгруппой морпехов, входившей в состав одного такого отряда. Посланная на разведку в Паркдейл его группа попала в ловушку и погибла... По крайней мере, Эндрю так думал. С места той бойни аборигены вынесли его одного, оглушенного после касательного попадания ему в шлем винтовочной пули.

В общем, с миротворчеством у военных не заладилось – вся ярость аборигенов теперь нацелилась на них. Образумить психопатов было невозможно. Когда их арестовывали, они продолжали истово верить, будто угодили в лапы вампирам и оборотням. Сколько ни бились с ними психиатры, все без толку. Хотя что тут удивительного, ведь они не были больными. Все проведенные над ними исследования доказывали, что эти люди не пережили психические сдвиги и не галлюцинировали. Они *действительно* видели в некоторых согражданах чудовищ. И испытывали по этому поводу вполне естественный, а не иррациональный страх. Но поскольку их поведение не отличалось от поведения обычных безумцев, их было принято называть так. Равно как и обращаться с ними не лучшим образом.

Самоотверженно обороняя свои поселения, аборигены, однако, не преследовали военных, когда те отступали. И не воевали друг с другом. Напротив, они поддерживали в своих поселениях строгий порядок, соблюдая некое подобие законов военного времени. Поэтому военные подумали-подумали и решили отказаться от насилия. Они вывели к границе карантинной зоны остатки нормальных людей, а борцов с нечистой силой предоставили самим себе. Все равно деваться из оцепленного района тем было некуда, а между собой они не враждовали. Ну а за тех, кто проникал сюда нелегально после отгремевшей здесь краткосрочной войны, миротворцы ответственности не несли. Официальные предупреждения о том, что находиться в Орегонской зоне смертельно опасно, регулярно транслировались по государственным телеканалам и пестрели в Интернете.

С той поры аборигены вели войну лишь с нелегалами. Которые, несмотря на старания военных, тем или иным путем пробирались в зону. Фуллер уже упоминал об этом по дороге сюда и повторил снова: до того, как его разведгруппа погибла, а сам он попал в плен, им довелось сталкиваться и с «серыми», и с десантурой русских, и с квестерами ЦИКа (к какой конторе принадлежат последние, Эндрю не знал, но по его описанию мы поняли, о ком идет речь). А также с несколькими группами не то подобных нам наемников, не то иных сомнительных личностей, преследующих столь же сомнительные цели.

К исходу первого месяца существования Зоны № 32 все боевые столкновения в ней стали носить характер мелких и эпизодических. Штурмы городков прекратились, поскольку в планы нелегалов не входило их завоевание и усмирение местного население. В связи с чем осмелевшие аборигены сами стали делать вылазки и карательные рейды, выискивая шастающую по лесам и горам «нечисть». И, разумеется, нередко ее находили. Особенно в центральной части зоны, вблизи от черного разлома. Там, где было вероятнее всего отыскать пресловутые пакали и куда прежде всего стремились их искатели...

– Кстати, о пакалях. – Я решил плавно подвести рассказ Фуллера к интересующей нас теме, раз уж он сам заикнулся об этом. – Считается, будто они очень ценные и на них в определенных кругах имеется большой коммерческий спрос. Не верю, что ты со своей группой исползал зону вдоль и поперек и не пробовал искать эти штуковины. Пробовал, я прав?

– Правы, конечно, – не стал отнекиваться морпех. – Пытаться-то мы пытались, да только ничего не нашли. Наверное, потому что все пакали успели собрать до нас – вон сколько охотников за ними тут рыскало. А может, мы просто не там искали, кто знает... Однако слухи насчет артефактов до нас доходили. Например, такой слух, будто ни один из пакалей не в состоянии пересечь границу зоны. Возможно, за последнее время в этом плане что-то изменилось, но до того, как меня посадили в яму, про пакали говорили именно так.

– Очень любопытно, – заметил я. – И чем, по-твоему, здешние пакали отличаются от тех, которые были найдены в других аномалиях и затем без проблем вынесены оттуда? И как эта невозможность выглядит на практике? Если пакаль просто швырнуть через границу, он что, отскочит от невидимой стены и ударит швырявшего по лбу?

– Что-то типа того, – подтвердил Фуллер. – Люди проходят, а артефакт – нет, во что бы он ни был упакован. Вертолет каких-то искателей потерпел аварию, когда хотел пересечь гра-

ницу зоны с пакалем на борту. Уткнувшись в тот невидимый барьер, пакаль прорвал насквозь фюзеляж, повредил заодно какие-то механизмы и упал на землю. А вертолет полетел дальше – искать площадку для экстренной посадки. Потом еще один чудаковатый хотел вывезти добычу на тракторе, спрятав ее внутри тяжелого сейфа. И что бы вы думали? Трактор в итоге забуксовал, а на стенке сейфа появилась вмятина – с такой огромной силой та маленькая железка сопротивлялась.

– Сможешь указать на карте примерные координаты, где произошли оба этих случая? Просто для справки: нам надо знать, какие участки периметра использовали другие нелегалы для проникновения в зону и выхода из нее. Наверняка эта информация окажется нам полезной.

– Без проблем, – пожал плечами сержант. – Только за этими лазейками с тех пор наверняка установили наблюдение. Поэтому вряд ли вам удастся ими воспользоваться.

– Посмотрим. Не подойдут для бегства, возможно, сгодятся для отвлекающего маневра. Мы сейчас за любые сведения будем премного благодарны. Особенно те, что касаются нашей безопасности...

Насчет точного количества найденных здесь пакалей, их цвета, а также изображенных на них рисунков Эндрю был не в курсе. О судьбе русских десантников, которых занесло в Орегон вместе с нами и по нашей вине, он знал мало. В ходе своего последнего рейда группа Фуллера наткнулась на их лагерь у восточного склона Маунт-Худа. Правда, десантники тоже засекли тогда американских разведчиков. После чего открыли по ним огонь, и те во избежание ненужных потерь были вынуждены отступить и скрыться. Маловероятно, что после разоблачения интервенты продолжили отсиживаться на том же месте. Наверняка они поспешно перебазировались в другой район. Или же поступили разумнее: сдались американцам, поскольку воевать с ними на их же территории являлось бессмысленной и провальной затеей.

Вытянув из сержанта все, что он, по нашему мнению, мог знать, я велел ему отправляться отдыхать. Что он и сделал с большим удовольствием. После заточения в холодной и сырой камере тепло печи, свежий воздух, долгая беседа и избыток новых впечатлений обессилили его. И спустя пять минут он уже спал, посапывая, беззаботным сном младенца на одной из кроватей. Сомневаюсь, что морпех полностью нам доверял, но за свою жизнь он, похоже, не опасался. И правильно делал, ведь он знал: надумай мы от него избавиться после допроса, могли бы прикончить его, не дожидаясь, когда он заснет.

Убедившись, что Фуллер не притворяется, а взаправду спит, я молча указал товарищам на дверь, дав понять, что нам надо кое-что обсудить подальше от его ушей. Выйдя наружу, мы отправились в столовую на краю кемпинга – ко врытым в землю деревянным скамьям и длинному столу. Все, кроме Гробика – его я попросил посидеть на пороге хижины и приглядеть на всякий случай за сержантом. Пусть он не представлял для нас угрозу, оставлять его без надзора было все равно нежелательно.

– Ну вот, наконец-то хоть что-то конкретное! – всплеснул руками Бледный, когда мы расселись по скамейкам. – Как минимум о двух пакалях нам теперь известно. И если они действительно не покинули зону...

– Уверен, что не покинули, – перебил его аль-Наджиб. – Шансы на то, что за полтора месяца аномальная «погода» здесь изменилась, невелики. И раз «серые» установили жесткое ограничение на вынос пакалей, значит, клянусь Аллахом, ни с того ни с сего они его не отменят. Вероятно, это будет сделано лишь по завершении игры, в случае победы одной из команд.

– И что, по-вашему, может считаться такой победой? – спросил я. – Сбор полного комплекта пакалей, как в Дубае?

– Возможно, – ответил шейх. – А возможно, что-то еще. Например, победа над очередной дьявольской тварью, как в Скважинске.

– Как же меня достали все эти дьявольские твари, которые нам уже полгода житья не дают! – буркнул Крупье. – Почему бы «серым» не устроить вместо этого обычную телевик-

торину! И позволить нам разыгрывать пакали культурным, цивилизованным способом, а не вырывать их из пасти очередного монстра вместе с зубами.

– Ладно, забудем пока о монстрах, – отмахнулся я от брюзжания капитана. – Сосредоточимся на тех двух пакалях, о которых известно Фуллеру. Допустим, я – сотрудник ЦИКа, который перевозил артефакт на вертолете и «выронил» его при пересечении границы зоны. Мои дальнейшие действия?

– Вернуться, подобрать, хорошенько припрятать до лучших времен, – рассудила Шира.

– А если пакаль самый ценный – зеркальный? – Я вписал в задачу новое, усложняющее ее условие.

– Прикомандировать к артефакту человека или двух. Тех, что станут приглядывать за ним и перепрятывать по мере необходимости, – логично рассудила Крамер.

– И которые должны регулярно, по два-три раза в день проверять, не исчез ли барьер, – добавил Бледный. – И так же регулярно пересекать его для сеансов связи с Центром. Из чего следует, что квестеры с пакалем не удаляются в глубь зоны, а пасутся рядом с ее границей.

– Их «вертушка» потерпела аварию вот в этом юго-восточном каньоне, неподалеку от индейской резервации. – Я положил на стол планшет с выведенной на экран картой и указал на отметку, которую поставил на ней Фуллер. – Удачное место для прорыва через периметр на вертолете. Ущелье узкое, по дну течет река, и лишь опытный пилот способен пролететь там над самой водой, ниже уровней радаров. Не говоря уже о том, чтобы удержать поврежденную машину в воздухе.

– Центр изучения катастроф нанимает в квестеры только опытных, хорошо подготовленных бойцов, – подтвердил шейх. – И пилоты на него работают тоже самые лучшие. Такие, которые могут летать в каньонах даже ночью и при сильном ветре.

– Но этот проход ЦИКа сегодня рассекречен, – напомнила Шира.

– Да и пускай, – отмахнулся я. – Квестеры неслучайно выбрали для вторжения данный сектор периметра. Взгляните, сколько тут еще подобных каньонов. Дюжина как минимум! Дюжина альтернативных маршрутов, где можно обмануть военных подобным эффектным фокусом еще не раз и не два.

– После того случая военные могут посадить в каждом ущелье по ракетчику со «стингером» и пулеметчику, – предположил Крупье.

– Чтобы перекрыть круглосуточным огнем такой широкий сектор, понадобится около шестидесяти-семидесяти человек, – быстро прикинул я в уме. – А у военных и так людей наперечет. Да и к чему столь суровые меры, когда речь идет о прорыве гражданского, а не боевого вертолета? Причем доподлинно неизвестно, повторится прорыв или нет. Ответь, капитан, что проще: перенаправить в этот район два дополнительных взвода, которые всегда могут потребоваться на более горячем участке периметра, или, заметив неопознанный вертолет, сообщить о нем в местную полицию, и пусть уже она перехватывает его своими силами?

– Ваша правда, полковник, – не стал спорить Крупье. – Наверняка те квестеры прячутся в одном из этих каньонов, чтобы в случае исчезновения барьера ЦИК мог сразу же эвакуировать их вместе с пакалем... Но как мы их отыщем? Да нам потребуется пара суток, чтобы только одно ущелье прочесать, а ведь их там целая дюжина!

– Зачем прочесывать! А ты у нас в группе на кой черт нужен? – усмехнулся я, похлопав электронщика по плечу. – Или ты настолько привык к отсутствию беспроводной связи, что вконец утратил свою легендарную электронно-охотничью хватку?

– Пелядь и простипома! – Осененный Крупье хлопнул себя ладонью по лбу. – Вот я осел! Это же граница зоны! А значит, там будет полноценная связь, что в корне меняет дело! Но, чтобы вычислить точное место, откуда квестер ведет передачу, мне придется подключаться к спутнику ЦИКа и взламывать его защиту, а это тоже работа не на один час. Кирсанов, конечно, у нас не Господь Бог, но программисты у него в команде ничуть не хуже, чем в Интерполе.

– А кто тут недавно хвастался, что он ломает брандмауэр Интерпола быстрее, чем выпивает чашку кофе? – заметил с укоризной Бледный.

– Ну допустим, все на самом деле происходит не так быстро. – Крупье смущенно pokrхтел и потер переносицу. – Хотя я действительно брал этот «измаил», и не раз. Вот только, когда имеешь дело напрямую со спутником, есть одна проблема – время сеанса связи с ним ограничено. Ломать его в одиночку крайне сложно. Для этого нужны трое-четверо или даже больше спецов. Их надо рассредоточивать по планете так, чтобы они передавали друг другу эстафету по мере того, как спутник пропадает из поля зрения одного из них и появляется на горизонте у другого. Конечно, теоретически я могу справиться и без помощников. Но если мне не удастся пробить спутниковую защиту с первой попытки, боюсь, эта работа тоже затянется надолго.

– Да, не лучшая стратегия, – согласился я. Потом еще раз внимательно взглянул на карту и продолжил: – Поступим иначе и гораздо проще: не мы пойдем разыскивать квестеров, а они сами прибегут в нужное нам место. Для чего нам уже не понадобится перехватывать никакие спутники. Крупье, что тебе известно о полевых станциях связи, которыми сегодня пользуются американские вояки?

– Намного больше, чем о спутниках ЦИКа, если я правильно понимаю, к чему вы клоните. Вдобавок раньше я имел с ними дело и пробовал на вкус их начинку.

– Что ж, это я и хотел от тебя услышать! Значит, с этого бока мы и станем рыть наш подкоп.

– Но чего мы этим добьемся, полковник? – нахмурился Крупье. – Если квестеры до сих пор не пойманы, значит, у американцев нет о них никакой информации. Если же пойманы, то информация о них будет для нас бесполезна. Так или иначе, но рытье такого подкопа окажется глупой тратой времени и сил.

– Сомневаюсь, что квестеры пойманы, – помотал головой Бледный. – Во-первых, они профессионалы. Если они схоронятся в глуши, то уже не позволят себя так легко обнаружить. И, во-вторых, они прячутся на территории зоны. А армия, чтобы лишний раз не баламутить аборигенов, сунется туда лишь в одном случае: когда будет полностью уверена, что в ее сеть попадется крупная рыба. Иначе вояки и палец о палец не ударят. Разве им охота отдуваться перед Вашингтоном за то, что из-за их провалившейся операции в зоне случилась новая вспышка насилия?

– В самую точку, майор! Именно к этому я и веду, – отметил я. – У нас есть два потенциальных противника, которые не ищут друг с другом встречи. Но мы устроим им такое свидание, а потом используем их драку с выгодой для себя.

– Есть мысли, как мы это сделаем, босс? – осведомился Бледный.

– Разыграем второй имеющийся у нас американский козырь. Все равно от Фуллера придется как-то избавляться. Так почему бы не сделать это с максимальной пользой и для нас, и для него?..

Глава 4

– Я признателен вам, сэр, за то, что вы снова мне помогаете, – обрадовался Эндрю, когда на следующее утро мы сообщили ему, что намерены сопроводить его к границе зоны. – Это очень великодушно с вашей стороны. Вот только не сильно ли вы при этом рискуете? Честно скажу: вряд ли мои братья оценят по достоинству ваш благородный поступок. Они обязательно задержат вас, если вы приблизитесь к периметру.

– Значит, мы не будем к нему приближаться, – ответил я. – Однако не думай, что мы помогаем тебе совершенно бескорыстно. Когда вернешься к своим, ты тоже можешь кое-что для нас сделать.

– Если это не потребует от меня нарушать присягу или причинять вред моим товарищам – с радостью, сэр!

– Я никогда не обратился бы к тебе с подобными гнусными просьбами, сержант. Напротив, я попрошу тебя об услуге, от которой ты выиграешь не меньше, чем мы. По прибытии в часть тебя ждет серьезное разбирательство по поводу гибели твоих бойцов и твоего долгого отсутствия. Наверняка вслед за этим последует наказание. Но ты бы мог смягчить его, предоставив дознавателям полезную информацию.

– Я весь внимание, сэр!

– Мы знаем, что кроме нас в зоне присутствует еще одна группа нелегалов. Только, в отличие от нас – обычных наемников, – эти ублюдки занимаются шпионажем в пользу врагов Соединенных Штатов. На кого они работают, мы не в курсе – возможно, на Россию или Иран. Но нам известен район, из которого они регулярно выходят на связь со своим командованием.

– Откуда у вас эта информация, сэр?

– Из одного очень надежного источника. Но ты можешь сказать, что разузнал об этом, находясь в плену. Например – от человека, с которым вы сидели в одной камере и которого потом казнили аборигены. Скажи дознавателям: тот человек был уверен, что вы оба обречены, вот он и откровенничал с тобой, выдав напоследок все тайны, какие знал... Только одна большая просьба, сержант: доложи об этом своему командиру сразу, как только явишься к нему на доклад. Сразу, без отлагательств, о'кей?

– Именно так и поступлю, сэр! Будьте уверены!.. А могу я спросить, какая вам от всего этого выгода, сэр?

– Кое-какие старые счета, сержант. В свое время у нас были разногласия с этими людьми, и они остались нам много должны. Вот мы и хотим с ними по квитаться, раз у нас есть такая возможность.

– Понимаю, сэр! Давайте мне координаты нужного района. Если шпионы еще там, обещаю: завтра у них под ногами земля будет гореть не хуже адской сковородки!..

– ...А где гарантия, полковник, что завтра земля не загорится также под нашими ногами? – усомнилась Шира, глядя вслед удаляющемуся от нас в направлении периметра морпеху. – Почему бы Фуллеру не выдать за компанию и нас? Вы сами навели его на мысль, что ценные сведения смягчат грозящее ему наказание. А за сведения сразу о двух группах нелегалов Эндрю небось не только не накажут, но и в звании повысят.

– Таких гарантий нет, – ответил я. – Более того, я почти уверен, что он так и сделает. Кто мы для него с этой минуты?

– Люди, дружба с которыми может серьезно подпортить ему карьеру и репутацию, – заключила Крамер.

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Так зачем, скажи на милость, ему нас выгораживать? Не лучше ли ему использовать этот козырь так же, как мы используем его самого?

Обычный бизнес, ничего более... Ладно, не будем терять времени. Проваливаем отсюда, пока Фуллер не добрел до своих...

Встав затемно, мы еще до рассвета добрались по глухим проселкам аж до южной границы зоны. И теперь громада Маунт-Худа не загораживала нам просвечивающее сквозь тучи бледное орегонское солнце. В пути мы сделали лишь одну остановку: заглянули на автозаправочную станцию, когда пересекали хайвэй. Это было рискованно, но он тянулся с запада на восток, огибая вулкан с юга, и разминуться с ним у нас не получалось.

Судя по зажженным фонарям и вывеске, на станции кто-то дежурил. Возможно, она даже работала, разве что табло с ценами не светилося. Остановившись под прикрытием леска – так, чтобы деревья загораживали нас от возможного обстрела, – мы оставили Ширу в автомобиле, взяли оружие и пошли выяснять, кто здесь хозяйничает и нельзя ли разжиться у него бензинчиком.

Я был уверен, что нас опять примут за вампиров и что без насилия нам пикап не заправить. Но нас ожидал приятный сюрприз. Высунувшийся из павильона заспанный растрепанный мужичок приветливо помахал нам рукой и прокричал:

– Здорово, ребята! Я – Мартин! И кто я, по-вашему, а? Ну-ка ответьте!

– На вид ты нормальный человек! – отозвался я. – А что скажешь насчет нас?

– Вы тоже не похожи на чудовищ, – констатировал очевидный факт заправщик и обрадованно провозгласил: – Спасибо тебе, Иисус, за столь хорошее начало дня! Надеюсь, все сегоднешние клиенты будут такие же, как эти благородные джентльмены! Добро пожаловать на автозаправочную станцию Мартина Хини! Только у меня самые низкие цены на бензин во всей этой дерьмовой аномальной дыре! А если у вас нет денег, можете расплатиться едой, оружием и патронами. Пачка патронов за галлон бензина – вполне честная сделка!

Последние слова своей рекламной речи Мартин произносил, уже выйдя из укрытия и шагая нам навстречу. Поверх его замызганного рабочего комбинезона был опоясан ковбойский ремень-патронташ с двумя набедренными кобурами. В каждой из них торчало по длинноствольному револьверу. Несмотря на небоевой вид мужичка, я почему-то не усомнился в том, что он умеет обращаться со своим оружием.

– Мартин Хини? – переспросил я. – А почему на вывеске написано «Горючка Боба О'Нейла»?

– Верно подмечено, мистер! – подмигнул мне Мартин, ничуть не смутившись. – Старина Бобби – мой двоюродный брат, но у него сегодня не все дома. Вы же понимаете, о чем я говорю, так ведь?.. Вот почему я срочно примчался сюда из Портленда, отстранил братца от работы, чтобы он тут все не угодил, и делаю бизнес вместо него.

– Надеюсь, отстранили не навсегда? Вы тоже понимаете, что я имею в виду, верно?

– О да! Еще как понимаю! Не волнуйтесь, мистер: Бобби жив и здоров, – поспешил объясниться Хини. – То есть, настолько здоров, насколько может быть здоровым псих, заявляющий, что я – оборотень и что меня надо наспиговать серебряными пулями. Я держу Бобби в этом, как его...

– В карантине, – подсказал Бледный.

– В точности так, мистер! – закивал хозяин. – В карантине, значит, его и держу. И ухаживаю за ним получше, чем даже за собой, можете быть спокойны. Хотите, взгляните сами.

– Верю на слово, – отмахнулся я и задал еще один интересующий меня вопрос: – Скажите, мистер Хини, а как вы умудряетесь продавать горячее местным жителям? Насколько я понимаю, их мнение совпадает сегодня с мнением вашего брата, и они тоже видят в вас монстра.

– Местные жители не ездят по дороге Дьявола, – ответил Мартин, обведя рукой протянувшийся перед нами хайвэй. – Это одна из главных магистралей в нашем чертовом гадюшнике, и потому военные сразу взяли ее в оборот. Да и прочие нормальные парни вроде вас, мистер, порой тут ездят. А по мнению психов, эта дорога – просто скопище нечисти, вот они

и стараются держаться отсюда подальше... Иногда, правда, некоторые смельчаки высовываются из леса, почему я и спрашиваю своих клиентов, кем они меня считают. И если те начинают стрелять, врубаю тревожную сирену. Это военные мне ее подарили, чтобы я поддерживал порядок на своей территории. Психи боятся моей сирены похлеще пуль. Думают небось, что это архангельские трубы ревут и сейчас сюда четыре всадника Апокалипсиса самолично прискачут, хе-хе!.. Так что там насчет горючего, мистер? Сколько будете брать? С клиентами нынче негусто, поэтому запасы у меня иссякают медленно...

Цены у Хини были, конечно, грабительские. И торговаться, теряя выгоду, он в отсутствие наплыва покупателей категорически не желал. Нам было бы куда проще отобрать у него бензин силой, а его самого запереть в одной клетке с сумасшедшим братцем. Однако «Горючка Боба О'Нейла» являлась пока что единственным обнаруженным нами источником топлива, и было негоже обижать стерегущего его человека. Без Мартина психи из окрестных селений быстро присвоят себе его запасы. А то и вовсе сожгут станцию, чтобы очистить это место от дьявольской скверны.

Слово за слово, и вскорости мы с Хини сторговались на том, что часть оплаты он возьмет натурой: винтовкой и полным патронташем Саймона – трофеями, которые мы не забыли подобрать вчера на выезде из Паркдейла. Вышло не слишком разорительно. В итоге наличных денег мы отдали лишь в четыре раза больше, чем подобная заправка обошлась бы нам за пределами аномальной зоны.

За время, что мы заполняли бак и канистры, мимо нас не проехал ни один автомобиль. Это породило в нас желание прокатиться с ветерком по хайвэю, но мы не поддались искушению. Наш первоначальный план был хорош, и отклоняться от него означало подвергнуть себя ненужному риску. Который будет уместен во время охоты на квестеров ЦИКа, но только не на этапе подготовки к ней.

Спустя полтора часа мы доставили наконец Эндрю до места, высадив его близ военной базы на южной границе зоны. После чего спешно покинули тот район – чтобы погоня, которую мог направить по нашему следу вернувшийся к своим сержант, не повисла у нас на хвосте. А заодно прокатились лесными дорогами вдоль южного и юго-восточного секторов периметра, изучив местность воочию, а не по карте.

Надо отдать должное вкусу «серых» – в отличие от тех зон, которые мы уже посетили, в этой наблюдалось хоть какое-то ландшафтное разнообразие. Скатившись с гор и вынырнув из густых лесов, мы очутились на красивом полупустынном нагорье, покрытом ковром сухой травы. Именно это нагорье пересекали ущелья, в которых, по нашей версии, скрывались квестеры ЦИКа, не сумевшие переправить пакаль за пределы зоны. По многим ущельям текли речушки, порою сливающиеся одна с другой. Их пересекающиеся русла образовывали целую каньонную сеть – не слишком запутанную, но достаточно протяженную.

Результат разведки был в целом обнадеживающий. Отсутствие деревьев – они росли здесь редкими перелесками, – не превращало нас, однако, в видимые издалека мишени. Высокая трава и сильная пересеченность местности позволяли нам маскироваться от армейских наблюдателей, разве что теперь у них появился шанс засечь нас с воздуха. Разумеется, мы боялись только вертолетов. Все летающие над зоной беспилотники вели съемку, но не были способны передавать «картинку» на базу в прямом эфире. Так что этот способ для нашей поимки не годился. Пока БПЛА приземлится и его оператор обнаружит нас на видеозаписи, мы к тому времени успеем скрыться из опасного района.

Следующим нашим шагом был переход границы. Чтобы отслеживать активность военных, нам предстояло взломать их систему связи. Прodelать такое из зоны было невозможно. Но удалиться для этого от границы тоже не требовалось. Крупье мог отползти всего на метр от невидимого барьера, за которым появлялась связь, и преспокойно начать работать. Не забывая,

естественно, о маскировке. Поэтому покидать аномальную территорию пришлось пешком, а не на автомобиле.

Спрятать его было легко. Съехав с дороги неподалеку от границы, мы загнали «Додж» во впадину и накрыли его маскировочным тентом. Последний, правда, не подходил по цвету и контрастировал с сухой травой – темно-зеленый на светло-коричневом. Впрочем, на ней частенько попадались островки густого кустарника, так что при взгляде с воздуха укрытие пикапа могло сойти за такое естественное вкрапление зелени.

Не исключено, что в приграничной полосе кроме обычных патрулей рыскали также армейские разведгруппы – этого мы пока не знали. Но сами патрули ни от кого не таились и раскатывали по дорогам на «Хаммерах» – по две машины в одной патрульной группе, перевозящие отделение солдат. Периодически они останавливались на пригорках и обзоревали окрестности, после чего следовали дальше по маршруту.

Прежде нам доводилось неоднократно переходить настоящие границы в настоящих пустынях – там, где сирийские или иорданские пограничники могли расстрелять нас при поимке без суда и следствия. Так что здесь, среди травы и оврагов, мы чувствовали себя довольно уверенно. К тому же с нами не было Ширы и аль-Наджиба. Они не обладали опытом скрытного перемещения по охраняемой территории, и брать их с собой в этот рейд означало лишь добавить себе хлопот. Поэтому эти двое остались дожидаться нас возле «Доджа», тоже укрывшись под маскировочным тентом.

Сложный рельеф местности мешал патрульным перемещаться на машинах непосредственно вдоль границы зоны. Да и пешком пограничники тоже не горели желанием ходить, особенно по оврагам и колдобинам. У рядовых американских солдат, при всей их непохожести на солдат Российской армии, на самом деле было с ними немало общих черт. Получив четкий приказ, они старались выполнить его на совесть, особенно под надзором сурового командирского ока. Но когда дело касалось нудного патрулирования в безлюдной местности, не только солдат и сержантов, но и офицеров начинала одолевать банальная скука. Они не горели желанием прочесывать без причины подозрительные участки местности, заглядывая под каждый камень или куст в поисках затаившегося там нарушителя. Мы же старались прятаться за теми камнями и кустами, что торчали дальше всего от дороги. И замирали без движения, становясь в буквальном смысле тише воды ниже травы, едва до нас доносилось рычание «хаммеровских» моторов.

Короче говоря, сегодня мы вновь отвели в этом плане душу. И, как в прежние времена, вдоволь наигрались в пресмыкающихся, чем нам почти не довелось заниматься в Дубае и в Скважинске. И вот, наконец, наши терпение и труд были вознаграждены. Сканер частот, который у Крупье все это время был включен, оповестил нас, что он обнаружил в округе множественные источники радиосигналов.

Было обнаружено и еще кое-что любопытное. Чтобы проверить сведения насчет невозможности выноса из зоны пакалей, я прихватил с собой всю нашу коллекцию артефактов – оба зеркальных и черный (коллекция эта изрядно поредела в Скважинске после гибели Кальтера, вместе с которым канули в бездну сразу два пакала – белый и красный). Действительно, Фуллер говорил правду. Пеналы с артефактами лежали у меня в заднем – спинном – кармане разгрузочного жилета. И вот при пересечении барьера я почувствовал, будто некая сила схватила меня за «разгрузку» и не пускает дальше. Желая довести эксперимент до конца, я начал бороться с незримым противником, но безуспешно. Пришлось сдаться, а иначе я оторвал бы себе карман. Вынув пакали, я решил протолкнуть их через границу рукой, что у меня также не получилось. Проще было бы, наверное, засунуть их в затвердевший бетон, чем в этот непроницаемый воздух. Который сразу перестал быть для меня таковым, когда я отложил артефакты в сторону и переполз рубеж без них.

Уже в метре от границы прием радиосигналов был достаточно устойчив, и двигаться дальше не имело смысла. Спрятавшись в зарослях кустов, мы расчехлили принесенное с собой полевое оборудование и развернули станцию радиоразведки. Компактную, но вполне подходящую для той цели, которой мы намеревались достичь.

Ограниченный правилами зоны, за ее пределами Крупье воспрянул духом и начал кипучую деятельность. Его пальцы забегали по клавиатуре с такой скоростью, что, казалось, еще немного, и они задымятся. Засвистели сервомоторами миниатюрные антенны, ловя направления нужных сигналов. Заморгали десятки сенсоров и индикаторов. По экрану лэптопа одна за другой побежали строки зашифрованных программных команд и прочих технических данных. Я тоже мог бы справиться с этой работой – статус командира группы обязывал меня уметь обращаться с подобной техникой. Но, черт побери, не так стремительно и безошибочно! Операцию, на которую я затратил бы минуту, Крупье проделывал за десяток секунд. И вдобавок он успевал при этом считывать и анализировать данные еще с нескольких устройств, на лету внося в их настройки нужные коррективы.

Я, Бледный и Гробик примолкли и замерли, стараясь не отвлекать товарища, погрузившегося с головой в работу. В эти минуты от нас практически ничего не зависело. Все, что мы могли, это посматривать по сторонам. И следить за тем, чтобы себя не выдать и не дать патрульным повод броситься прочесывать местность.

– Готово, – доложил Крупье спустя примерно двадцать минут после того, как он настроился на частоты противника. – Я в их сети. Пять оперативных каналов под контролем, еще три особо секретных взломаю в ближайшие полчаса.

– Отлично, – резюмировал я. После чего взял протянутый капитаном миниатюрный наушник, вставил его в ухо и принялся слушать армейский радиоэфир. Индикаторы на мониторе подсказывали, на каком из каналов начиналась активность, и мне оставалось лишь на него переключиться.

А пока я разбирался в кодовых терминах и выражениях, которые использовали в переговорах стражи периметра, Крупье отыскал их интерактивную штабную карту. Ту, где практически в прямом эфире отслеживалось передвижение всех патрулей и иных подразделений, работающих в юго-восточном секторе зоны. Причем на карте отмечались объекты, находящиеся и снаружи, и внутри охраняемой территории. Отсутствие беспроводной связи не отражалось на работе спутников – до тех высот аномальные щупальца черного разлома не дотягивались. Мощные телекамеры контролировали с орбиты маневры этих групп. А вот им самим свериться с такой картой уже не удавалось – они не могли принять сигнал из космоса даже тогда, когда спутник пролетал аккурат над ними.

Круги от заброшенного нами американцам «камня» начали расходиться часа через два после того, как сержант Фуллер доложил командованию о своем возвращении. Кто бы сомневался, что вокруг предполагаемого шпионского лежбища поднимется нешуточная суеда. И вся она транслировалась в эфире: и посредством переговоров, и в виде новых значков на оперативных картах. Чтобы видеть объективную картину происходящего, нам оставалось лишь сопоставлять звуковую и визуальную информацию, делая отметки на своей карте и терпеливо дожидаясь, когда ситуация обернется благоприятным для нас образом.

Мы находились в стороне от района поисков. И потому не опасались, что нас изловят за компанию с квестерами ЦИКа или того хуже – примут за них. Облава была развернута северовосточнее нашего укрытия. Однако, если мы утратим осторожность, на нас все равно могут обратить внимание. Здешняя армейская группировка располагала ограниченными ресурсами – мы поняли это еще со слов Фуллера. Она могла бы полностью заблокировать нужный район, если бы дело происходило в голой степи. Но на изрядно пересеченной местности, как эта, ловцам шпионов было по силам устроить разве что загонную охоту с травлей жертв, вынуждая их

бежать в нужном направлении. Это была самая разумная из всех доступных воякам тактик, и я бы удивился, предприняли они что-нибудь другое.

Гнать квестеров им предстояло не абы куда, а в глубь зоны – против течения текущих по каньонам рек. Это поставит шпионов перед нелегким выбором. Либо они станут отступать по дну ущелья, в котором прячутся, – но их продвижение будет сильно затруднено, либо им придется выбираться наверх и удирать по нагорью. В первом случае беглецы окажутся намного медлительнее преследователей, и те возьмут их в кольцо. Во втором они, возможно, сумеют оторваться от наземной погони, но от вертолетов им не скрыться.

В общем, командующий местной армейской группировкой генерал Беннет оправдал возложенные мной на него надежды. Он рассредоточил свои немногочисленные войска очень рационально. И организуй он охоту не на квестеров, а на нас, мне пришлось бы из кожи вон лезть, чтобы вывести свою группу из ловушки прежде, чем та захлопнется.

Доклады загонщиков шли в штаб один за другим, и мы следили по монитору, как их огромная дуга медленно движется от границы на северо-запад. Беннет отрядил для ловли шпионов сразу три вертолета. Они кружили над прочесываемой территорией, готовые сбросить десант сразу, как только вспугнутый противник себя обнаружит. Генерал наверняка жалел, что не может задействовать в этой операции кинологов, поскольку в зоне все собаки ударялись в панику и отказывались повиноваться. Нас же, наоборот, их отсутствие только радовало. Собаки могли бы испортить наш план, ведь им было без разницы, по чьим следам идти: квестеров или нашим.

Первый доклад о замеченных с воздуха предполагаемых целях прозвучал в эфире, когда цепь охотников продвинулась в глубь зоны примерно на пять километров. Вертолетчики видели трех вооруженных людей, когда те взбирались по склону каньона, намереваясь, судя по всему, скрыться в кустарнике на ближайшем нагорье.

Не факт, что это были нужные нам и американцам люди. Но кроме доклада с вылетевшего за границу зоны вертолета были отправлены в штаб несколько фотографий. Их Крупье также сумел перехватить.

Снимки оказались нечеткими. Но автоматическое оружие – оно походило на современные бельгийские винтовки «FN» – и хорошо подогнанная экипировка подозрительных субъектов давали основание полагать, что они – именно те, кто нам нужен.

Прежде чем возвращаться к Шире и аль-Наджибу, мы должны были удостовериться, куда побежали квестеры после того, как выбрались из каньона. Теперь отметки на карте появлялись реже – по мере того, как тот или иной вертолет вылетал из зоны, пересылал в штаб актуальную информацию и возвращался к патрулированию. Согласно последнему перехваченному нами отчету беглецы повернули на запад. И вряд ли это являлось обманным маневром. Больше походило на то, что они стремились опередить ближайшую к ним левофланговую группу охотников, пока цепь вояк не замкнулась в кольцо.

Ну что ж, в квестерах я тоже не ошибся. Это были хорошо подготовленные профессионалы, которые до того, как наняться к Кирсанову, наверняка послужили в каких-нибудь элитных войсках. Они вовремя почуяли угрозу, правильно оценили, откуда она наступает, и сорвались с места еще до того, как враги стали кусать их за пятки...

...Если бы только не эти проклятые вертолеты!

Будь на дворе жаркое солнечное лето, квестеры укрылись бы сейчас в кустах, по которым они продирались. В жару земля хорошо бы прогрелась, и пилоты не смогли бы использовать тепловизоры. Теперь же, когда солнце скрывалось за тучами, листья с кустов облетели, а нагорье выстудили ноябрьские ветры, квестерам следовало показать чудеса изворотливости, чтобы обмануть противника. Впрочем, с их подготовкой и оснащением им было рано признавать свое поражение. И я был почти уверен, что еще как минимум час или полтора они смогут водить преследователей за нос.

Этого времени должно хватить, чтобы мы завершили нашу авантюру. Маскироваться отпала нужда – все окрестные патрули бросились ловить шпионов, – и мы проделали обратный путь до пикапа, практически не таясь. После чего выгнали его из ямы и, развернувшись, покатали обратно. Но не к военной базе, куда мы доставили Фуллера, а в сторону района, где сейчас вели охоту его собратья по оружию.

Вертолетным экипажам приходилось не только отслеживать шпионов, но и обеспечивать связь между армейскими подразделениями. Облетая загонщиков, пилоты оповещали их по громкоговорителям, куда им приказано двигаться. Так что теперь, когда мы лишились доступа к интерактивным картам противника, его местоположение и характер его маневров выдавало перемещение вертолетов. Они стали для нас своего рода путеводными воздушными маяками. В то время как мы, двигаясь в высокой траве, еще не привлекли к себе ничье внимание.

Впрочем, долго оставаться в тени у нас не получится. Куда, скорее всего, побегут квестеры, когда выберутся из зарослей кустарника, мы догадывались – к другим зарослям, расположенным в паре километров западнее. Там кусты были повыше. И тянулись они почти до края нагорья, за которым уже начинался еловый лес. Вот на этом ровном, покрытом сухой травой пространстве мы клиентов и перехватим. Независимо от того, будут кружить над нами вертолеты или нет.

Каким способом перехватим? Ну, это как получится. Конечно, парни из ЦИКа будут для нас намного полезнее живыми. Но если они не оставят нам выбора, значит, придется открывать по ним ответный огонь.

И снова наши расчеты оказались верны. Загнанная в почти безвыходное положение троица квестеров встретила нас в промежутке между зарослями. И удирала она тоже согласно нашим прогнозам – на запад. Однако кое в чем мы ошиблись. Шпионы не просто держали нос по ветру и вовремя учуяли облаву. Они к ней также заблаговременно подготовились, припася на этот случай автомобиль.

– Мать вашу за ногу! – выругался Бледный, когда увидел внезапно объявившийся на горизонте небольшой джип. Он скакал по бездорожью, сквозь кустарник и направлялся явно к тому же проселку, по которому ехали мы. – Это еще кто такие? Неужели наши квестеры?

– Они самые, – ответил я, не отрываясь от бинокля. – Больше некому: три человека, оружие, экипировка – все как на фотоснимках! И двигаются туда же, куда хотели смыться мы: к броду через Стоун-Крик... Если, конечно, успеют, черт бы их побрал!

Мои сомнения были оправданы: вслед за джипом уже летел вертолет, а вдалеке виднелись клубы пыли, вздымающиеся из-под колес «Хаммеров». Едва квестеры воспользовались припрятанной ими в зарослях машиной, они окончательно себя рассекретили. И вот результат: весь левый фланг облавного фронта сразу же ринулся за ними в погоню. Сам фронт после этого явно не будет свернут. Загонщики не исключали, что внедорожник служит лишь приманкой, высланной, чтобы увести за собой военных из прочесываемого района. Затем, чтобы они пошли по ложному следу и не добрались до чего-то более важного. К примеру, главной шпионской базы или схрона.

– Что будем делать, босс? – спросил Бледный. Все складывалось не так, как мы рассчитывали. Клиенты оказались шустрее, чем ожидалось, и подкинули нам лишних проблем с их поимкой.

– Попробуй догнать ублюдков! – велел я. – Нельзя упускать шанс, пока мы можем добраться до них раньше всех.

Вообще-то, вертолет, что настиг джип, когда тот выскочил из кустарника на проселок, формально нас опередил. Вот только одно дело – просто догнать их и совсем другое – остановить и захватить. На «вертушке» имелись пулемет и ракеты, но вояки не пустили их в ход. И это одна из сомнительных привилегий, которую получаем мы, шпионы, когда враги выходят на нашу поимку. Мы всегда нужны им прежде всего живыми, ведь каждый из нас – потенци-

альный кладезь стратегической информации. Нередки случаи, когда вследствие гибели загнанного шпиона допустившие ее охотники также лишались головы. Не в буквальном смысле слова, конечно. Но на карьерах многих контрразведчиков после провала таких операций был поставлен крест. А кое-кто из них заработал и тюремный срок.

Для генерала Беннета квестеры вряд ли представляли большую ценность. Но в ЦРУ из них вытянут немало сведений о ЦИКе, Кирсанове, пакалях, «серых» и прочем, что имеет отношение к Сезону Катастроф. Беннет это отлично понимал. И, как бы ни чесались у него руки побыстрее завершить охоту одним метким выстрелом, он продолжил тактическую игру с улетывающим противником.

Вертолет обогнал джип, вырвался вперед и, сбавив скорость, пошел на снижение. Где именно сядет «вертушка», мы уже догадались. Все обратные пути квестерам были отрезаны, в том числе по бездорожью. С этой части нагорья они могли убраться лишь одним способом – через брод пересекающей их курс речушки Стоун-Крик. Она также протекала по дну каньона, но на обоих берегах к броду были прорыты пологие спуски. Других автомобильных переправ поблизости не наблюдалось. Это была единственная дорога, спускающаяся с нагорья на его западной стороне.

Вертолетчики посадили свою машину в каньон поперек дороги, прямо в воду, благо глубина там была чуть выше щиколотки. Помимо экипажа в «вертушке» находилась десантная группа. Которая тут же спешила и рассредоточилась, готовясь остановить сунувшихся на переправу беглецов автоматным и пулеметным огнем.

Переть в лобовую атаку было бессмысленно. Еще до того, как джип доедет до реки, десантники прострелят ему колеса и радиатор. Вступать с ними в перестрелку тоже глупо, даже с учетом того, что квестеры могут занять более выгодные позиции – залечь наверху, у края склона. Но в данный момент это не давало им преимущества. Вскоре к ним с тыла подкатят «Хаммеры» и отрежут им оставшиеся пути для маневров. И пока этого не произошло, квестеры решили попробовать вновь изменить маршрут – свернули налево и направили машину вдоль ущелья.

У нас не оставалось выбора, кроме как тоже съехать с дороги и рвануть им наперерез. Если получится, мы еще успеем схватить беглецов. И, продолжая двигаться по берегу, прошмыгнем под носом у стягивающихся к переправе военных. Сидящие в кузове Крупье и Гробик уже установили на крышу кабины пулемет и снайперскую винтовку, готовясь прострелить джипу – это оказалась трехдверная «Тойота» – колеса. И прострелили бы, но тут квестеры выкинули новый фортель. Завидев нас, они не стали приглядываться, кто мы такие, а без раздумий снова повернули к каньону. И не успели мы опомниться, они уже съехали на склон и покатились по нему вниз.

Спускаться здесь было опасно, как, впрочем, и в остальных местах. Прежде чем джип скрылся с наших глаз, он накренился вперед чуть ли не вертикально. Поэтому Бледный и не подумал направлять пикап следом, а затормозил его в трех метрах от склона. После чего все мы выскочили из машины, дабы своими глазами увидеть, как кирсановские безумцы свернут себе шеи.

Берега каньона были обрывисты. Но там, где они рушились, оставались большие осыпи, делавшие склоны уже не такими крутыми. Водитель нырнувшей с берега «Тойоты» был отчаянным малым, но действовал с умом. Он уронил машину на одну из таких осыпей и не дал ей сорваться в свободное падение. Он также поступил мудро, удержавшись от искушения нажать на тормоз. Инерция при торможении неминуемо перевернула бы джип вверх колесами. И дальше он уже не катился бы, а кувыркался, превращаясь в груды металла. Но водитель врубил нейтральную скорость и позволил «Тойоте» катиться по осыпи совершенно свободно, как бы жутко это ни выглядело со стороны.

Мы слышали испуганные крики квестеров сквозь грохот катящихся следом за ними камней и дребезжание ходящей ходуном автомобильной подвески. Тем не менее, чем ниже они съезжали, тем очевиднее становилось, что их трюк обойдется без жертв. И, возможно, даже без поломок. Из всех окрестных осыпей каскадеры выбрали для спуска, пожалуй, наиболее подходящую. Она доходила до самой воды, и на ней не наблюдалось крупных валунов и иных преград, в которые машина могла врезаться с разгону.

– Нет, вы гляньте, что творят эти кирсановские дурни! – воскликнул Бледный, видимо, забыв, как он и сам проделывал на «Додже» нечто подобное. Причем склон, с которого мы тогда съехали, был гораздо длиннее, и на нем вдобавок росли деревья.

«Тойота» достигла дна каньона и, вздымая тучи брызг, въехала в реку. После чего, не останавливаясь, покатила на юг. Не лучшее направление, если верить карте. Но в противоположной от квестеров стороне был перекрытый десантниками брод, и выбора у беглецов не оставалось. Вот они и гнали вперед совершенно наобум, пока глубина и ровное дно Стоун-Крик им это позволяли.

– Ну что, босс? Рвем за ними? – осведомился Бледный.

Я не сомневался, что у него хватит смелости повторить этот трюк. Вот только «Додж» был раза в два тяжелее «Тойоты». И для него да и для нас такой прыжок грозил обернуться плачевными последствиями.

– Гони вдоль берега! – распорядился я, указав на удаляющийся по каньону джип. И мы, запрыгнув обратно в пикап, тоже помчались на юг.

Двигаться по кромке обрыва было опасно, и нам пришлось немного отъехать от нее. Теперь беглецы были видны лишь находящемуся в кузове Гробику. Да и тому приходилось порой подпрыгивать, чтобы не упускать их из виду.

Впрочем, их счастье продлилось недолго. О чем они наверняка и сами подозревали. И когда вдалеке появилось вздымающееся над рекой облако водяной пыли, квестеры проехали еще немного и остановились. На сей раз их рассудок возобладал над бесшабашностью. Еще бы, ведь скатываться на машине с крутого склона – это одно, а прыгать на ней с водопада – совсем другое. Да и без машины нырнуть с него и выжить можно было бы только в кино. В действительности такой смельчак, скорее всего, разбил бы голову о торчащие из склона камни еще до того, как плюхнулся в воду. Квестеры не желали попадаться в лапы военных, но кончать жизнь самоубийством им не хотелось еще больше.

– Стой! – велел я Бледному. А когда машина остановилась, выскочил из нее и подбежал к краю обрыва. В этот момент подобранный десантников вертолет уже взлетал над бродом, оставшимся в полутора километрах позади нас. Приближающиеся «Хаммеры» были пока не видны. Но, по моим прикидкам, минут через пять-семь и они будут здесь.

Квестеры вылезли из машины и что-то горячо обсуждали. Судя по их жестикуляции, они решили взбираться на западный склон. Их попытка выбраться из каньона и добежать до леса на противоположном берегу была явно обречена на провал. И все-таки храбрым ребятам из ЦИКа еще не надоело бороться, что, безусловно, делало им честь, но, увы, не давало никаких преимуществ.

Наш «Додж» они не видели – тот стоял достаточно далеко от склона. Но когда на его вершине показался я, это миг привлекло их внимание. Однако, прежде чем квестеры нацелили на меня автоматы, я успел крикнуть по-русски:

– Эй, братья, не стреляйте! Мы – свои! Мы здесь, чтобы вам помочь!

Чистейший русский язык в землях Орегона произвел на напуганных квестеров впечатление. Они удивленно переглянулись, и хоть автоматы не опустили, стрелять тоже не стали.

– Кто вы такие, черт вас дерит?! – спросил один из беглецов.

– Нас нанял Кирсанов, чтобы уладить одно дело по ту сторону границы, – соврал я, озвучивая заранее придуманную легенду. – Когда вояки вдруг засуетились и начали облаву, нам

было велено разведать, не нужна ли вам помощь! Похоже, что нужна, я прав? Айда к нам – мы вас отсюда вывезем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.